

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

***DE ANIMALIBUS: ЗООЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ УЧЕНЫХ XIII – XV вв.***

Выпускная квалификационная работа
по направлению подготовки 46.03.01 «История»
образовательная программа бакалавриата «История»
профиль: *Всеобщая история*

Выполнил:
обучающийся 4 курса
Сергей Вячеславович Крушинский

Научный руководитель
к.и.н., доцент, доцент
Владимир Владимирович Шишкин

Санкт-Петербург
2018

Оглавление

Введение	3
Глава I. Историография вопроса	8
§1. <i>Отечественные исследования</i>	9
§2. <i>Зарубежные исследования</i>	17
Глава II. Основная часть	23
§1. <i>Зоологическое наследие Аристотеля</i>	23
§2. <i>Переводы XII–XIII вв.</i>	29
§3. <i>De animalibus: первые комментарии</i>	34
§4. <i>Альберт Великий и средневековая «Summa Zoologica»</i>	39
§5. <i>Бестиарии и травники</i>	56
§6. <i>«Книги природы» XIV–XV вв.</i>	63
Заключение	68
Список использованных источников и литературы	71
Приложение	77

Введение

Изучение представлений людей о себе, об устройстве окружающего мира занимает одно из центральных мест в современной исторической науке. Сплетение составляющих картину мира мыслей и чувств давно умерших людей является загадкой для историка, и её разгадка – важнейшая исследовательская задача. При знакомстве и «интеллектуальном общении» с людьми прошлого с целью понять их и воссоздать эволюцию человеческой личности историк руководствуется сведениями различных источников. Однако возникает проблема, чем руководствоваться для знакомства с людьми других эпох, посредством чего «завязать диалог» с ними, чтобы это было более результативным.

Человечество со времени возникновения всегда взаимодействовало с органическим миром тем или иным образом. Через призму истории данного взаимодействия, на наш взгляд, можно проследить важнейшие этапы становления самой человеческой цивилизации. Предпосылки отношения к животным в любую временную эпоху связаны не только с некоторыми биологически обусловленными характеристиками и потребностями человека, но и с его ментальной, душевной, интеллектуальной организацией: звери – это и источник для пропитания, одежды и т.п., и важная составляющая человеческого сознания, мироощущения. Об этом свидетельствует присутствие их во все времена в изобразительном искусстве, начиная с пещерных изображений. Различные животные уже тогда были связаны с определёнными ощущениями, эмоциями. С развитием цивилизации тех или иных представителей животного мира стали отождествлять с исключительно человеческими понятиями, например, государством, властными отношениями; звери заняли место в религиозных верованиях и обрядах. Им были посвящены письменные памятники разных жанров, включая и такие, которые заключали в себе изложение взглядов на устройство фауны и её

позиций в миропорядке. Следовательно, анализ и материальных и письменных источников, демонстрирующих связь человека и животных, позволяет историку «возродить ментальный универсум тех, кто давно и безвозвратно канул в прошлое»¹.

Подобный анализ актуален ещё и потому, что лежит в русле популярных сегодня междисциплинарных исследований: к изучению представлений о животном мире можно привлекать как данные, полученные методами рассмотрения текстуального или вещественного наследия человеческих сообществ (всесторонняя критика источников), так и последние наработки в области когнитивной психологии и «науки XXI века», биологии².

В настоящей работе **объектом исследования** являются зоологические представления западноевропейских учёных периода XIII–XV вв. как неотъемлемая часть эволюции зоологических представлений в Средние века, рассмотрение которой, в свою очередь, является **целью** настоящего **исследования**. Для её достижения поставлены следующие исследовательские **задачи**:

1. Рассмотреть основное зоологическое наследие Античности – соответствующие идеи Аристотеля, их судьбу в поздней Античности и Византии, на арабском Востоке;
2. Изучить зоологические сведения, изложенные до XII–XIII вв. в трудах Августина Блаженного в рамках его богословской доктрины и Исидора Севильского («Этимологии»);
3. Проанализировать основные переводческие традиции XII–XIII вв., заложившие фундамент для рецепции античного натурфилософского (в т.ч. зоологического) наследия, прежде всего «испанскую» (г. Толедо),

¹ Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – С. 8.

² В тесной связи друг с другом, когнитивная психология (вопросы функционирования головного мозга и т.п.) и биологические исследования создают совершенно новые для исторической науки источники по истории человеческой цивилизации.

осветить деятельность Михаила Скота, Герарда Кремонского и Виллема из Мёрбеке, некоторые особенности их переводов античных и восточных авторов;

4. Изучить первые комментарии к корпусу античного зоологического наследия, написанные Петром Испанским;
5. Рассмотреть зоологические представления Альберта Великого через призму его трактата *De animalibus*, а также сохранившегося компендиума с записанными лекциям Альберта по вопросам сравнительной физиологии «*Quaestiones super de animalibus*»³, структуру и основные особенности указанных произведений;
6. Выявить особенности «народной» традиции, выраженной в бестиариях, «средневековых учебниках зоологии», и травниках;
7. Рассмотреть самобытные «книги природы», заключившие важнейшие черты средневековой натуральной философии и зоологических представлений.

Территориально-географические рамки исследования определены границами распространения античной и средневековой натуральной философии в части зоологии.

Хронологические рамки настоящего исследования связаны с ключевым этапом развития средневековой зоологии, основанной на творчестве Альберта Великого и традициях бестиариев, травников, породивших к концу XV в. жанр «книг природы».

В качестве основного метода в настоящем исследовании использован сравнительно-исторический, позволяющий оценить эволюцию зоологических представлений на протяжении длительного периода Средних веков; кроме того, применены различные методы критического анализа основных источников.

Источниковая база исследования.

³ Для удобства далее в тексте название компендиума *Quaestiones super de animalibus*, в том числе название опубликованного перевода на английский язык, будет обозначаться QSA.

При написании работы использованы следующие источники: комментарии Альберта Великого *De animalibus* (XIII в.) и основанные на его лекциях *QSA*, введённые в научный оборот недавно и ещё не подвергнутые всестороннему анализу историками. Сборники *Hortus sanitatis*, часть позднесредневековой традиции «книг природы», имевшие широкое распространение в Западной Европе на рубеже XIV–XV вв., как наиболее поздний пример развития зоологии в Средневековье, и ряд других. В Приложении приведены некоторые отрывки из вышеуказанных источников, переведённые на русский язык, и ряд иллюстраций.

Работа поделена на две главы. Первая посвящена рассмотрению основных трудов по истории биологии и зоологии, прямо или косвенно затрагивающих проблемы её развития в средневековый период, в том числе отечественные и зарубежные издания. Вторая глава включает в себя изучение выбранной проблемы и поделена в соответствии с принятыми задачами на шесть параграфов. В первом параграфе рассмотрены основные положения аристотелевской зоологии и её судьба в позднеантичный и раннесредневековый периоды, в том числе рецепция Августином Блаженным некоторых положений и зоологический компонент «Этимологий» Исидора Севильского. Второй параграф освещает развитие переводческой традиции в г. Толедо и трансляцию зоологических представлений античных и арабских авторов через переводы в западноевропейское научное пространство. В третьем параграфе изучено наследие Петра Испанского, оставившего первые известные в Западной Европе комментарии на зоологические труды. Творчеству Альберта Больштадского посвящён четвёртый параграф: в нём представлены некоторые примеры из творчества Альберта Великого, посвящённого устройству животных и человека. Пятый параграф посвящён формированию «народной» зоологической традиции, выраженной в травниках и бестиариях. Заключительный параграф включает в себя сведения о развитии зоологической традиции в период рубежа XV–XVI вв., связанный, как было отмечено, со становлением жанра «книг природы».

Выражаю благодарность Шиповаловой Ладe Владимировне, доценту, заведующей кафедрой философии науки и техники СПбГУ, за советы по поиску научной литературы по истории натуральной философии; Махову Илье Андреевичу, аспиранту кафедры энтомологии СПбГУ, за консультации при изучении вопросов истории биологии и биологической систематики.

Глава I. Историография вопроса

При рассмотрении историографии, прежде всего отечественной, на наш взгляд, следует выделить два крупных блока научных работ по истории биологии и зоологии. Бóльшая часть работ, посвящённых какой-либо из областей истории биологии, затрагивает лишь современный этап их развития, как правило, XIX–XX вв., либо сюжеты, тесно связанные с формированием т.н. эволюционной теории, часто биографии известных учёных-эволюционистов; средневековые или античные сюжеты в данных работах не приводятся. Зачастую авторами таких трудов выступают биологи, интересующиеся историей научной отрасли, которой они посвятили свои исследования. Лишь ближе к началу XXI века можно наблюдать интерес биологов к истокам естествознания в Античности и Средневековье и появление работ, в которых, помимо традиционных сюжетов о Ч. Дарвине, К. Линнее и их предшественниках, приведён обобщённый или подробный материал по биологическим представлениям более раннего времени: Античности и Средних веков. Другой блок научных работ состоит из написанных преимущественно историками, в которых рассмотрены зоологические сюжеты с использованием методов исторической науки. В них представлен глубокий и всесторонний анализ известных источников, а выводы приведены исходя из ценности того или иного факта или явления для всей гуманитарной сферы, а не только истории биологии.

В настоящей главе мы приведём основные сочинения обоих «подходов», поскольку, на наш взгляд, корректное рассмотрение избранной нами проблемы без обращения к существующим в науке взглядам, в том числе к попыткам осмысления самими биологами истории науки, невозможно. Ниже мы кратко рассмотрим изданные с конца XIX по начало XXI вв. научные труды отечественных и зарубежных историков, посвящённые эволюции биологических и зоологических представлений в Средние века.

§ 1. Отечественные исследования

Как справедливо отметил Семён Романович Микулинский во введении к двухтомному труду «История биологии», до сих пор являющегося крупнейшим изданием в нашей стране по данной теме, по мере развития науки прежде известные факты выступают в новом свете, выявляются такие аспекты развития науки, которые прежде оставались незамеченными; «с каждым новым этапом науки по-новому прочитывается её история»⁴.

Изучение основ и истории биологического знания в России началось на рубеже XIX и XX веков, и обозначилось появлением переводов западноевропейских исследований науки в Античности. Средневековые сюжеты впервые подробно освещены в работах Савелия Григорьевича Ковнера, историка медицины. В своей обширной работе «История средневековой медицины», изданной в Киеве в 1893–1894 гг., он представляет широкий обзор сведений по средневековой медицине и отчасти биологии. Сочинение разделено на несколько объёмных глав по географическому принципу: в первых главах приведены сведения по развитию западноевропейской, восточноевропейской и византийской медицины, гигиены и смежных отраслей; остальная часть работы посвящена подробному анализу сведений арабской средневековой медицины и её вкладу в развитие медицинских и биологических представлений европейцев Позднего Средневековья. С.Г. Ковнер считал Средневековье периодом «консервативного» развития науки, то есть периодом «сбора и осмысления опыта древних». И хотя в Средние века, как он пишет, были широко распространены мистицизм и схоластика, они явились важным этапом в развитии медицины и биологических представлений. Данный тезис автор противопоставляет господствовавшему в его время убеждению о том, что Средневековье – это период в истории науки, который можно резюмировать

⁴ История биологии с древнейших времен до начала XX века / под ред. С. Р. Микулинского. – М.: Наука, 1972. – С. 5.

в двух словах: «суеверие и невежество»⁵, доказывая ложность подобного взгляда детальным описанием множества медицинских теоретических и практических данных на основе средневековых европейских и арабских сочинений.

К сожалению, иных крупных сочинений по истории биологии или смежных наук в дореволюционной историографии нет, в то же время частично вопросы средневековых биологических представлений освещены в статьях и монографиях известного отечественного медиевиста Льва Платоновича Карсавина, среди которых следует выделить статью о средневековом способе мышления, в которой автором подробно исследована средневековая картина мира, в том числе её религиозная и научная составляющие, через призму господствовавшего в сознании средневековых людей символизма⁶.

Дальнейший этап изучения истории естествознания и истории биологии тесно связан с выдающимся советским учёным, педагогом и популяризатором науки Валерианом Викторовичем Лункевичем. В.В. Лункевич издал более 60 научно-популярных работ по зоологии, ботанике и общей биологии, и финалом его научного творчества стала одна из первых в мировой науке научно-популярная монография, посвящённая развитию биологии в Античности, Средние века и Новое время до Чарльза Дарвина: «От Гераклита до Дарвина» (традиционно зарубежными и многими отечественными историками науки рождением биологических научных знаний признано оформление эволюционной теории). Замысел В.В. Лункевича заключался в создании четырёх книг очерков по истории биологического знания, включающих сведения о гениях Античности, учёных Средневековья и естествоиспытателях эпохи Возрождения до времени становления биологии как полноценной эмпирической науки.

⁵ Ковнер С.Г. История Средневековой медицины. Киев: Типография Императорского университета, 1893. – С. 1–2.

⁶ Карсавин Л.П. Символизм мышления и идея миропорядка в средние века (XII—XIII века) // Научный исторический журнал. – 1913 – Т. 1. Вып. 2. – № 2. – С. 10–28.

Первый том очерков, посвящённый Античности, Средневековью и Возрождению, вышел в 1936 году. Следующий том, в котором были рассмотрены персоналии и труды XVII–XVIII вв., был издан в 1940 году. Третий том очерков, в котором уделено внимание истории биологии первой половины XIX века, увидел свет лишь в 1943 году, после смерти автора. Четвёртый планируемый том, который автор намеревался полностью посвятить Чарльзу Дарвину и его эволюционному учению, к сожалению, не был начат. При составлении данного историографического обзора нас интересует, прежде всего, первый том научно-популярного труда В.В. Лункевича⁷, повествующий о становлении биологических (зоологических) представлений в Средние века, содержание и главные тезисы которого мы подробнее рассмотрим ниже.

Из тридцати двух глав первого тома непосредственно средневековому периоду становления биологии посвящено шесть глав (с главы XI по XVI). В них автор рассмотрел развитие средневековой науки с позиции, резонировавшей с господствовавшей марксистско-ленинской идеологией и предписанными ею положениями Ф. Энгельса о периоде средних веков. В частности, В.В. Лункевич пишет, комментируя тезис историков и литературоведов Ипполита Тэна и Адольфо Бартоли, об «удушающем», «мертвящем», «безраздельным» влиянии Церкви и «упадке всякого научного знания», что в подобных характеристиках эпохи «краски сильно сгущены»⁸. «В них есть большая доля правды, – комментирует В.В. Лункевич далее, – *но только доля* [курсив В.В. Лункевича]; безоговорочное подчинение авторитету Церкви, ... мрачный аскетизм наряду с безудержным мистицизмом... – всего этого более чем достаточно, но было и другое – уже по одному тому, что растянувшееся на тысячу лет Средневековье далеко не однородно по своей социальной структуре и отвечающей ей идеологии: не

⁷ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии / В 3 т. Т. 1. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1960. – 479 с.

⁸ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 142.

было единого, однотонного Средневековья, не было и единого и охватившего всех и вся мирозерцания»⁹. Ответственный редактор более позднего издания очерков (1960 г.) в комментариях в продолжение глав о развитии науки в Средневековье развёрнуто критикует приведённые тезисы В.В. Лункевича, ссылаясь на труды классиков марксизма.

Автор приводит сведения о взглядах на природу и мироздание многих известных деятелей Средневековья: Василия Великого и Либания, Блаженного Августина, Исидора Севильского, Карла Великого, Альфреда Великого и ряда других, уделяя внимание значительному влиянию идей Античности на средневековых учёных. В главе, посвящённой проникновению арабской науки в западноевропейское учёное сообщество, рассмотрены средневековые иберийские сюжеты, касающиеся сосуществования различных культурных традиций: христианской и мусульманской¹⁰. Не оставлены без внимания и вопросы генезиса такого западноевропейского средневекового феномена как университет¹¹.

В.В. Лункевич одним из первых в отечественной истории естествознания (и более узко – в истории биологических представлений) сделал вывод о синтезе в научных представлениях средневековых учёных античного, христианского, варварского и арабо-мусульманского компонентов; синтезе, определившем оригинальность средневековой науки, учёности, средневековой картины мира¹². Автор справедливо полагает, что период Средневековья в достаточной мере способствовал сохранению многих античных представлений о мире, равно как и «осмыслению опыта древних» (по выражению С.Г. Ковнера).

Среди известных средневековых мыслителей В.В. Лункевич выделил Альберта Больштадского, или Альберта Великого, зоологические представления которого стали объектом изучения в настоящей работе, и

⁹ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 142–143.

¹⁰ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 156–165.

¹¹ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 172–173.

¹² Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 156–160.

Роджера Бэкона, математика и философа. Учёным посвящены соответственно главы XV и XVI очерков.

Автор привёл краткое описание основных естественнонаучных работ Альберта Больштадтского по растениям, животным, *De animalibus* и *De Vegetabilibus*, а также небольшую характеристику минералогического трактата *De mineralibus et rebus metallicis*, в которой допустил ошибку, заявив, что Альберт Великий отвергал алхимические теории¹³. Автор изучил некоторые особенности зоологического трактата Альберта Великого «О животных», в частности В.В. Лункевич приводит данные текстового анализа трактата из известного ему немецкого издания 1916–1921 гг. латинского текста с комментариями Германа Штадлера, полностью перечисляя известные сведения о манускриптах, местах их обнаружения, характерных особенностях и т.п. Приведён авторский конспект текста трактата, где автор выделил интересные, по его мнению, тезисы и взгляды Альберта Великого.

В целом, суждения В.В. Лункевича относительно трактата можно объединить в тезис о том, что данный зоологический труд является сборником из аристотелевских воззрений на животный мир из соответствующего сочинения античного мыслителя¹⁴, а также из некоторых других известных Альберту Великому работ, касавшихся отдельных вопросов зоологии. В ряду таких работ автор приводит сочинения Авиценны, Плиния, Солиния, Галена, Гиппократы, Исидора Севильского и Томаса де Кантимпрэ. Поскольку в *De animalibus* Альберта Великого перечислено, по мнению автора, немного новых положений касательно устройства животного мира, В.В. Лункевич фактически считает составителя комментариев аристотелевского труда лишь умелым компилятором, не сделавшим какого-

¹³ В действительности Альберт Больштадтский – один из самых известных средневековых алхимиков, что подтверждается его сочинениями, посвящёнными конкретно алхимии.

¹⁴ В.В. Лункевич, по всей видимости, не придавал значения комментарию Г. Штадлера, издавшего текст средневекового трактата: сочинение *De animalibus* Альберта Великого не являлось в сущности его оригинальным произведением, а лишь комментариями одноимённого произведения Аристотеля, чем и может быть объяснён факт, что большая часть текста трактата соответствует структуре аристотелевского.

либо значительного вклада в развитие зоологических представлений своего времени. Автор даже предлагает не считать Альберта «Великим», поскольку он, по его мнению, «человек среднего калибра»¹⁵. В противовес личности Альберта Больштадтского приведён известный средневековый философ и математик Роджер Бэкон, которого автор для контраста называет «новатором в науке и технике» (в отличие от Альберта-компилятора), изобретателем новых методов в науке, основанных на данных «наблюдения и опыта»¹⁶.

Четыре главы (с XVII по XX) относятся к периоду гуманизма, Возрождения и раннего Нового времени, эпохе расцвета средневековых зоологических, ботанических сочинений и зарождения новых методов в биологических работах. Автор обозначил общую характеристику периода Возрождения, перечисляя известных литературных деятелей эпохи. Широкое распространение в XV – начале XVI вв. т.н. «травников», сборников небольших статей по зоологии, ботанике и сравнительной анатомии, автор объясняет возникновением интереса аристократии (прежде всего, итальянской) к разведению садов с экзотическими растениями и созданию т.н. зверинцев, небольших коллекций редких зверей, при собственных усадьбах. Автор дал оценку известному сборнику XV – начала XVI вв. под названием «Hortus Sanitatis», или «Сад здравия», широко распространённому в указанный период в Западной Европе. В.В. Лункевич полагал, что «Сад здравия» является лишь скудным компендиумом самых базовых ботанических и зоологических сведений, перемешанных с легендарными сюжетами, рождёнными в более раннее время¹⁷. Отличительной чертой подобных травников автор считал их богатый иллюстративный материал и роскошное оформление.

¹⁵ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 199.

¹⁶ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 201

¹⁷ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 257.

Издание В.В. Лункевича до настоящего времени является, к сожалению, единственным последовательным анализом по истории биологии в Средние века в отечественной исторической науке.

Дальнейший этап изучения истории естествознания в нашей стране связан с институционализацией этой области исторической науки. В 1953 году создан Институт истории естествознания и техники. Научные сотрудники этого Института издали в 1972–1975 гг. первый в стране научный многотомный труд по истории биологии. В первом томе издания, увидевшем свет в 1972 году, всего тридцать семь глав, посвящённых становлению биологической науки от древности до XIX века, из которых средневековому этапу посвящена только одна глава, и ещё одна – времени эпохи Возрождения. Несмотря на то, что Средневековью в данной работе посвящено совсем немного места, в соответствующей главе перечислены основные особенности средневековой картины мира, в том числе и зоолого-ботанические представления.

Глава, в которой рассмотрен средневековый этап развития биологии, составлена известным химиком Вадим Львович Рабиновичем, что в некоторой степени определило угол зрения на проблематику эволюции этой науки в западноевропейской духовной жизни в рассматриваемый период. Автор рассмотрел собственно зоологические и ботанические представления вкуче с развитием алхимии как предшественницы современной химии. К сожалению, к значительному недостатку данной работы можно отнести, на наш взгляд, тенденциозное изложение фактов в рамках традиции Ф. Энгельса и марксизма-ленинизма. Так, автор пишет, что для периода Средневековья характерны «упадок городской культуры», «утрата многих достижений науки и техники»¹⁸, что, безусловно, не согласуется с представлениями современной медиевистики.

¹⁸ Рабинович В.Л. Биология в Средние века // История биологии с древнейших времен до начала XX века. – С.36–43.

В.Л. Рабинович упоминает лишь нескольких персонажей, внёсших вклад в развитие научного знания в рассматриваемый период, – Роджера Бэкона, Альберта Великого и Венсана де Бове, кратко перечисляя лишь некоторые положения из трактатов и сочинений перечисленных мыслителей. На основании изложенного автором складывается впечатление об общем упадке культуры и научных представлений в Средневековье: избранные отрывки из сочинений Альберта Великого и Венсана де Бове повествуют лишь о нелепых, с точки зрения современного состояния биологии, тезисах. Сообщается о том, что труды средневековых учёных во многом состоят из реминисценций и компиляции античных трудов. Новшества, привнесённые в становление зоологических представлений Альбертом Великим и другими авторами, не представлены¹⁹.

На постсоветском пространстве и в России ни одной крупной научной работы по истории биологических представлений в Средние века и раннее Новое время более не было опубликовано. Тем не менее, научными сотрудниками различных институтов, архивов и библиотек, государственных университетов России, Украины и Белоруссии было подготовлено несколько тематических статей, в которых рассмотрены лишь отдельные узкие вопросы, смежные с обозначенной нами проблемой. Указанные работы можно условно разделить на статьи, посвящённые а) отдельным персоналиям; б) исследованию базы источников (среди которых особенно много научных публикаций, посвящённых бестиариям); в) изучению средневековых сюжетов в рамках философского дискурса. Далее в настоящей работе мы будем при необходимости ссылаться на соответствующие статьи.

¹⁹ Рабинович В.Л. Биология в Средние века // История биологии с древнейших времен до начала XX века. – С. 36–43.

§ 2. Зарубежные исследования

Внимание западноевропейских и американских историков к проблемам истории биологии значительно возросло, начиная с середины XX века, однако и до этого времени были выпущены труды, так или иначе касавшиеся вопроса о развитии биологических представлений в Средневековье. Более того, помимо исторических исследований, для западноевропейской научной традиции характерно, что некоторые натуралисты (и позднее – биологи) в собственных научных трудах выделяли разделы, иногда большие, а иногда в виде кратких заметок, посвящённые предшествующему этапу развития биологических воззрений, целью составления которых можно считать рефлексии о текущем состоянии науки и её важнейших проблемах. Такой краткий обзор можно обнаружить, например, у Чарльза Дарвина в его капитальном труде «О происхождении видов», в заключительной главе²⁰. Подобные заметки есть и у других основоположников биологической науки²¹.

Зоологические представления средневековых людей стали объектом научного интереса западных историков на рубеже XIX–XX веков и всё двадцатое столетие в рамках исследований средневековой ментальности (и более узко – средневековой учёности).

Одной из первых зарубежных научных работ, посвящённых проблеме средневекового научного знания, является объёмный труд Гейнриха Эйкена «История и система средневекового мирозерцания», вышедший в Штутгарде в 1887 году и ставший доступным российскому читателю чуть

²⁰ См. *Darwin C. On the Origin of Species by Means of Natural Selection, or the Preservation of Favoured Races in the Struggle for Life* // URL: https://web.archive.org/web/20050718010317/http://embryology.med.unsw.edu.au/pdf/Origin_of_Species.pdf, дата последнего обращения: 10.04.2018.

²¹ См.: «Философию зоологии» Жана Батиста Ламарка: *Ламарк Ж.Б. Философия зоологии* URL: http://publ.lib.ru/ARCHIVES/L/LAMARK_Jan_Batist/Lamark_J.B..html, дата последнего обращения: 10.04.2018.

более ста лет назад благодаря переводу В.Н. Линда²². Известный петербургский медиевист Иван Михайлович Гревс высоко оценил данную работу высоко, внося ряд своих замечаний касательно самого предмета книги во введении к русскому изданию. Он отметил, что, несмотря на название труда, фактически Г. Эйкеном исследован не весь период Средних веков, а лишь преимущественно Высокое Средневековье. Кроме того, И.М. Гревс заметил, что автором проделана недостаточная работа в исследовании средневекового мирозерцания, поскольку Г. Эйкен сводил таковое почти исключительно к католическому мировоззрению, в то время как средневековая картина мира складывалась из множества элементов. Вместе с тем, И.М. Гревс справедливо заявляет, что «История средневекового мирозерцания» Г. Эйка – одна из первых попыток изучения средневековой картины мироздания и средневековой науки²³. Интенция немецкого историка заключалась во всестороннем освещении и представлении средневекового способа мышления и познания окружающего мира с привлечением различных сюжетов: политического (устройство Священной Римской империи и др.), социального (общественная иерархия), духовного (верования), правового (краткий обзор гражданского и уголовного законодательства) и научного (воззрения на природу, натурфилософия). Интересующий нас в настоящей работе сюжет представлен сжато, в виде набросков и общих тезисов. Гейнрих Эйкен лишь кратко приводит основные положения Альберта Великого, Роджера Бэкона и др., в основном касающиеся теологических вопросов, не затрагивая зоологические представления учёных²⁴.

Другой крупной работой, посвящённой эволюции науки и учёности в европейских государствах, была изданная при поддержке Гейдельбергского университета в 1918 году многотомная «История научной литературы на

²² *Эйкен Г.* История и система средневекового мирозерцания / пер. с нем. В.Н. Линда. – СПб.: Типография М.И. Акинфеева, 1907. – 732 с.

²³ *Эйкен Г.* История и система средневекового мирозерцания. – С. 1–2.

²⁴ *Эйкен Г.* История и система средневекового мирозерцания. – С. 523–527.

новых языках» Леонардо Ольшки. Исследование обращено, прежде всего, к проблемам становления архитектуры, технических наук и технической литературы. Автор посвятил «начальному» (средневековому) этапу развития европейской науки и литературы небольшую часть Введения первого тома, которое было озаглавлено как «Литература техники и прикладных наук от Средних веков до Возрождения»²⁵. Задавшись целью детально изучить историю научно-технической литературы, автор ищет её происхождение в Средневековье, маркируя начало научной деятельности XIII веком (в связи с активным приобщением к средневековой картине мира античного и арабомусульманского наследия)²⁶. Основной тезис Л. Ольшки в этой части указанного сочинения: средневековая наука пришла в упадок к XV веку в связи с «замыканием в себе» и сужением круга рассматриваемых проблем, уступив место науке эпохи Возрождения, методология и объекты изучения которой были во многом определены развитием средневековой учёности. По мнению Л. Ольшки, известные учёные-гуманисты творили, намеренно переходя за рамки средневековой научной картины мироздания, стремясь по-новому интерпретировать окружающую реальность и отбрасывая прежде важнейшие элементы научного познания²⁷.

В качестве основы своего исследования Л. Ольшки привёл многочисленные сочинения гуманистов (Леон и Батиста Альберти, Лоренцо Гиберти, Антонио Аверлино Филарете, Франческо ди-Джорджо Мартивви, Луки Пачиоли, Леонардо да-Винчи и др.), приложив их к биографической справке о каждом из них с собственным анализом личностных качеств.

²⁵ *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках // В 2 т., т. 1. / пер. с нем. Ф.А. Бернштейна, П.С. Юшкевича, предисл. С.Ф. Васильева. – М.: Гос. Техничко-теоретическое издательство, 1933. – 304 с.

²⁶ *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках. – С. 3–7.

²⁷ Особенное место в работе Л. Ольшки отведено изучению феномена активного перехода с латыни на народные языки в период конца Средневековья и на протяжении эпохи Возрождения; обзор эволюции такого перехода красной нитью проходит во всём первом томе: автор многократно указывает на данный феномен на страницах, посвящённых отдельным персоналиям.

Открытия в области изучения зоологических представлений средневековых учёных и возросший интерес к этой проблеме связаны с именем Германа Штадлера, немецкого историка, в 1910–1920-е гг. изучившего книгохранилища нескольких монастырей и университетов в поисках оригинальных изданий трактата Альберта Великого *De animalibus*²⁸. Историком были найдены несколько десятков манускриптов XIII–XV вв. в Германии, Великобритании, Бельгии, Франции и Италии, каждый из которых Г. Штадлер проанализировал для составления и издания единого сборника *De animalibus*, включившего полный оригинальный текст с авторскими комментариями и пометами. Автор разделил текст трактата, основываясь на происхождении того или иного отрывка с соответствующими указаниями. Командой историков-коллег Г. Штадлера была проведена колоссальная работа по установлению источников, из которых черпал информацию Альберт Великий, в частности среди таких источников названы Авиценна, Плиний, Гален, Гиппократ, Исидор Севильский, Томас де Кантимпрэ и др.

Издание *De animalibus* Г. Штадлером привлекло внимание историков к проблемам средневековой науки, поскольку оно открывало для изучения сведения, содержащиеся в этом источнике, и на долгие годы вперёд обеспечило исследовательский интерес к проблеме эволюции научной мысли в Средние века.

На основе трудов Г. Штадлера и его более поздних последователей (Э. Фильхаута, издавшего новые комментарии к *De animalibus*) американские историки Кеннет Китчелл и Ирвен Ресник в результате многолетней работы выполнили полный перевод сочинения Альберта Великого на английский язык и выпустили множество публикаций, так или иначе затронувших проблемы развития зоологического знания в средневековой Европе^{29,30}.

²⁸ См. Albertus Magnus. *De animalibus libri I–XXVI* / ed. H. Stadler. Bd. I–II. Münster, 1916–1920. – (Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen XV–XVI).

²⁹ *Resnick I.* Albert the Great on the «Language of Animals» / Resnick I., Kitchell K.F. // *American Catholic Philosophical Q.* 70. – 1996. – P. 41–61.

Кроме К. Китчелла и И. Ресника, весомый вклад в изучение вопроса в конце XX века внесли и другие историки, среди которых отметим М. де Асуа³¹, Т. Гольдштейн-Преод³², Э. Гранта³³ и др., положивших прочную основу изучения творческого и научного наследия Альберта Великого и всей последующей средневековой традиции соответственно в Испании, Франции и Великобритании. Наиболее полный библиографический перечень трудов историков, занимавшихся изучением флористических и фаунистических представлений и взглядов, приведён в работах К. Китчелла и И. Ресника.

Таким образом, становление зоологических представлений в Средневековой Европе, деятельность ряда учёных и схоластиков и анализ их сочинений представлены в исторических трудах с конца XIX века. Однако очевидно различие в мировой и отечественной науке: в то время как вопросы эволюции научного знания, истории биологии и т.п. особенно актуальны и популярны в настоящее время среди западных историков, российские учёные лишь приступают к их изучению.

В отечественной историографии издано несколько крупных работ, посвящённых истории биологических представлений, в том числе два многотомных издания (В.В. Лункевича и сборник, выпущенный Институтом истории естествознания и техники), мало освещающих средневековые сюжеты и основных мыслителей Европы XIII–XV вв. Подобная ситуация наблюдалась вплоть до конца XX века и в мировой науке: основание биологических знаний многие историки и сами биологи видели в деятельности натуралистов Нового времени.

³⁰ *Kitchell K.F.* Albertus Magnus On Animals: A Medieval «Summa Zoologica» / Kitchell K.F., Resnick I. – Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 1999. – 1–2 vol. – 1920 p.

³¹ *De Asúa M.* Peter of Spain, Albert the Great, and the Quaestiones de animalibus // *Physis*. – 1997. – 34. – P. 1–30; *De Asúa M.* Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus // *Aristotle's Animals in the Middle Ages and Renaissance* / ed. S. Carlos, G. Guldentops, P. Beullens. – Leuven: Leuven University Press, 1999. – P. 189–211.

³² *Goldstein-Préaud T.* Albert le Grand et les Questions du XIIIe siècle sur le De animalibus d'Aristote // *History and Philosophy of the Life Sciences*. – 1981. – 3/1. – P. 61–67.

³³ *Grant E.* Sourcebook in Medieval Science / ed. E. Grant. – Cambridge: Harvard University Press, 1974. – 844 P.

На рубеже XX–XXI вв. зоологические и ботанические сюжеты, содержащиеся в сочинениях средневековых мыслителей, стали предметом дискуссии, актуальной научной проблемой, в том числе среди исследователей из смежных научных отраслей (например, лингвистики³⁴).

³⁴ См.: *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля в латинском переводе Феодора Газы как памятник гуманистической филологии: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.14. – СПб., 2017. – 263 с.

Глава II. Основная часть

§ 1. Наследие Аристотеля

Первые письменно зафиксированные систематические зоологические и ботанические положения в истории европейской цивилизации относятся к периоду Античности. Хотя термины «зоология», «ботаника», «биология» и т.п. обозначают соответствующие известные дисциплины и науки и изобретены на греческом языке, в античной Греции они не были известны: впервые их использовали натуралисты конца XVII – начала XVIII вв. Области знания, изучающие живых организмов, вплоть до этого времени в учёной среде именовались натуральной философией³⁵.

В рамках натуральной философии со времён Античности мыслителей интересовали не только вопросы функционирования и строения живого, но и другие аспекты, в современной науке кратко обозначаемые естествознанием. Кроме того, для античных и средневековых авторов, изучавших окружающий мир, характерно было восприятие его в тесной связи с философией и религией. Соответственно, живые организмы, их устройство, строение земли, неба, – всё это воспринималось как часть космоса или часть Божественного замысла, в связи с чем главной задачей античных и средневековых мыслителей (уместен английский термин *scholars*) являлся не столько анализ и эмпирическое познание того, как функционирует окружающий мир, сколько его описание и уяснение с позиций философии или теологии³⁶.

Хорошо известно, что наибольший вклад в «биологический раздел» античной натуральной философии внёс Аристотель. Им одним из первых

³⁵ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 69–78; Воробьев Г.М. Биологические трактаты Аристотеля... – С. 4; Grant E. A History of Natural Philosophy: From the Ancient World to the Nineteenth Century. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 37–42; Bodson L. The beginnings of Entomology in Ancient Greece / The Classical Outlook. – 1983. – Vol. 61. – No 1. – P. 3–6.

³⁶ Grant E. A History of Natural Philosophy. – P. 37–40.

были применены эмпирические методы при изучении животного и растительного мира, античный мыслитель вывел ряд предположений, впоследствии доказанных и обоснованных наукой современности. Сфера изысканий в области животного и – в меньшей степени – растительного мира не ограничена в сочинениях Аристотеля исключительно наблюдением и фиксацией отдельных фактов и гипотез: им предложены различные схемы, объясняющие функционирование живого (вопросы метаболизма, температурной регуляции, эмбриологии, механизмов наследования)³⁷.

К аристотелевскому наследию относится и его структура животного мира, *Scala naturae*, первая в истории известная попытка сгруппировать живых организмов в группы по определённым общим признакам. Аристотель подразделил животный мир на следующие группы, в зависимости от нескольких предложенных им признаков (имеют ли кровообращение, количество конечностей, тип души, качества сухой – влажный, горячий – холодный): человек, Tetrapoda (т.е. четырёхногие), Cetacea (в буквальном смысле «крупные рыбы», куда Аристотель относил китов и дельфинов), птицы, яйцекладущие Tetrapoda, змеи, рыбы, Crustacea (соответствует современному устаревшему термину «членистоногие»), Cephalopoda («головоногие»: осьминоги и т.п.), моллюски, насекомые, самозарождающиеся организмы (к ним отнесены морские губки и черви), растения и минералы.

Аристотелевская *Scala naturae*, как мы увидим далее, получила распространение в Средние века в связи с ростом популярности среди учёных сочинений античного автора. Более того, данная «лестница живого» сохраняла свою актуальность вплоть до появления таксономии и международной классификации живых организмов.

Приведённые идеи и положения Аристотеля содержатся не единым текстом, а рассредоточены среди пяти его сочинений, объединяемых в т.н. *De*

³⁷ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 70–78.

animalibus, своего рода сборник³⁸. Он включает в себя следующие книги: *Historia animalium* («История животных»), *De generatione Animalium* («О происхождении животных»), *De motu animalium* («О движении животных»), *De partibus animalium* («О частях животных»), *De incessu animalium* («О локомоции животных»)³⁹. Каждая книга состоит из нескольких частей, в каждой из которых автором рассмотрен отдельный соответствующий общей теме вопрос. Повествование выстроено линейно: Аристотель описывает какой-либо факт, затем приводит логичное, с его точки зрения, объяснение, и далее линия повествования отходит к следующему вопросу⁴⁰.

Корпус зоологических трудов Аристотеля в различных копиях прошёл долгий путь: различные античные и византийские авторы активно использовали разные отрывки при составлении компиляций, сборников и т.п., дополняя в некоторых случаях собственными сведениями и наблюдениями. Для более поздней византийской зоологической традиции характерны описания зверей, используемых в хозяйстве, на которых ведётся охота, опасных или ядовитых животных⁴¹.

По-видимому, первоначальный текст Аристотеля, как отмечает Воробьев Г.М., «отличался трезвостью суждений», а «сомнительных анекдотов» и посторонних красочных рассказов в нём не содержалось. Многочисленные античные и византийские авторы снабдили ими книги «*De animalibus*», дабы придать яркость повествованию⁴².

Колоссальное влияние многократно дополненный и переработанный оригинальный текст имел на формирование физиологов (), средневековых естественнонаучных сборников, традиция составления которых берёт начало

³⁸ Такая систематизация трудов Аристотеля использовалась с I в. до н.э., об истории трудов Аристотеля, посвящённых животным см.: *Bodson L. Redécouvrir les animaux antiques / L'Antiquité Classique*. – 1979. – Т.48, fasc. 1. – P. 146–153.

³⁹ *Воробьев Г.М. Биологические трактаты Аристотеля...* – С. 103.

⁴⁰ *Lennox J.G. Aristotle's Philosophy of Biology: Studies in the Origins of Life Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 348 P. – (Cambridge Studies in Philosophy and Biology).

⁴¹ *Воробьев Г.М. Биологические трактаты Аристотеля...* – С. 102–109.

⁴² *Воробьев Г.М. Биологические трактаты Аристотеля...* – С. 109.

в Египте во II в. н.э. Физиологи получили распространение в большей части Европы после IV–V вв. с появлением латинского перевода. Позже физиологи стали доступны на «народных» языках и явились предтечей бестиариев.

С VII–VIII вв. популярность на Востоке обрели переводы аристотелевских трудов, дошедших до арабских учёных через Сирию и представлявшие к тому моменту значительно видоизменённый оригинальный текст. Арабские авторы использовали не только сирийские рукописи, но и греческие манускрипты, в том числе и очень древние по времени написания. Об этом свидетельствует создание «Книги животных» («Kitāb al-ḥayawān») ⁴³ в IX в., значительную часть которой представляли выдержки из труда Стагирита. Автором перевода и составителем считается Йахья ибн ал-Битрик (позднее текст отредактировал Хунайн ибн Исхак). Помимо «Книги животных» существовал текст авторства Абд аль-Латифа аль-Багдади. Имелись и тексты в еврейском переводе ⁴⁴.

Аль-Фараби и Ибн Сина основывались на тексте «Kitāb al-ḥayawān» при написании собственных сочинений. Именно благодаря этим арабским учёным текст «Книги животных» проник в Европу и был переведён.

Базисом для зоологической и ботанической картины окружающего мира для Средних веков служили положения Августина Блаженного, который, в отличие от большинства средневековых последователей до XIII века, был знаком с текстами Аристотеля. Августин подходил к изучению окружающего мира с априорными предпосылками как один из основоположников теологии. Природа, весь животный и растительный мир, в его видении были созданы благим Богом как идеальное творение, олицетворяющее подлинную красоту. Все законы и принципы функционирования живых организмов сообразны в его понимании со Священным писанием и словами апостолов. «Бог установил соответствие частей и гармонию их не только на небе и на земле, не только в ангеле и

⁴³ Воробьев Г.М. Биологические трактаты Аристотеля... – С. 113.

⁴⁴ Воробьев Г.М. Биологические трактаты Аристотеля... – С. 112–113.

человеке, но и во внутренней организации мельчайшего и презреннейшего животного, в пёрышке птицы, в цветении злаков, в листьях дерева...»⁴⁵

Гармония природы, согласно Августину, отражается и в полезности, и в красоте организации животных и растений: «В теле мы не находим ничего, служащего пользе, что не служило бы ему украшением...»⁴⁶

Систему разделения живых организмов, придуманную Аристотелем, Августин переработал в соответствии с собственными убеждениями. Так, например, он изменил аристотелевскую идею о трёх видах души у живых существ (один из признаков разделения живых существ на группы в классификации Аристотеля)⁴⁷, считая душу человека несовершенной, поскольку та слишком привязана к «преходящим земным благам», вследствие чего целью каждого человека являлось стремление к настоящему благу – райской загробной жизни⁴⁸.

Наследие Августина Блаженного в части рецепции зоологических идей Аристотеля было предано забвению; известными в Средневековье оставались идеи Августина в части богословия. Вплоть до VII века не было составлено ни одного сочинения, так или иначе затрагивавшего вопросы устройства живого мира.

В первой половине VII века другим Отцом Церкви – Исидором Севильским – был составлен объёмный труд «Этимологии, или Начала», включивший в себя некоторые вопросы натуральной философии. Помимо «Этимологий» часть из таких тем приведена в книге *De Natura Rerum*. Даже при беглом знакомстве с «Этимологиями» бросается в глаза краткое изложение фактов, по большей части в книге представлена информация о происхождении названий тех или иных зверей⁴⁹.

⁴⁵ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 146.

⁴⁶ Цит по: Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 146.

⁴⁷ Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages / ed. Gentry G.F. – London: Routledge, 2005. – P. 12–13.

⁴⁸ Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages. – P. 12–13.

⁴⁹ Grant E. A History of Natural Philosophy. – P. 101–102; Jacques A., éd. Isidore de Seville, Etymologies, Livre XII. Des animaux. – Paris : Les Belles Lettres, 1986. – P. 311.

Исидор Севильский отвёл животному миру в «Этимологиях» двенадцатую книгу, имеющую соответствующее наименование *De animalibus*, подразделённую на восемь глав по категориям: *De pecoribus et iumentis* («О домашнем и тягловом скоте»), *De bestiis* («О зверях»), *De minutis animantibus* («О маленьких зверях»), *De serpentibus* («О змеях»), *De verminibus* («О вредителях»), *De piscibus* («О рыбах»), *De avibus* («О птицах»), *De minutis volatibus* («О небольших летающих животных»)⁵⁰. Каждая из категорий снабжена определёнными характеристиками, на основании которых Исидор соотнёс тех или иных животных с соответствующей группой. Например, во второй главе книги, «О зверях», автор привёл следующие сведения: «Обозначение ‘зверь’, строго говоря, включает в себя львов, пантер, тигров, волков, лис, собак, обезьян и иных животных, которые для атаки используют или когти, или клыки, за исключением змей. Их именуют ‘зверьми’ из-за силы, присущей их атаке. Они рождены быть дикими, поскольку наслаждаются собственной природной свободой и движимы своими желаниями, – и, куда лежит их душа, туда и идут, ибо они вольны странствовать там и сям»⁵¹.

Подобные описания присутствуют в каждой главе указанной книги. Если характеризовать представленные сведения, следует отметить, что автор представил общую информацию по каждой из групп животных, описание отдельных видов значится, как правило, на нескольких строчках. Самые объёмные параграфы посвящены домашним животным: лошадям, собакам и т.п., – при этом сведения об экзотических зверях, не обитавших в Европе, в некоторых случаях занимают одну строку.

«Этимологии» Исидора Севильского, тем не менее, оставались значимым сочинением, используемым в образовании, на протяжении более пяти сотен лет, что можно объяснить несколькими причинами: а)

⁵⁰ Grant E. A History of Natural Philosophy. – P. 101–102; Jacques A., éd. Isidore de Seville, Etymologies, Livre XII. Des animaux. – Paris : Les Belles Lettres, 1986. – P. 311.

⁵¹ Ibid.

«Этимологии» представляет собой, подобно современным энциклопедиям, единую книгу обо всём окружающем мире, что, безусловно, было крайне удобно для изучения; б) сведения и сюжеты, помещённые автором в свою книгу, кратки, однако отражают основную суть описываемых явлений, что в совокупности с предыдущим обстоятельством превращало «Этимологии» Исидора в универсальный источник по большинству тем⁵².

Зоологическая составляющая, выделенная Исидором в отдельную книгу⁵³, маркирует новый этап в эволюции зоологических представлений, который продолжался вплоть до активного изучения аристотелевских трудов на рубеже XII–XIII вв. Отныне аристотелевская традиция, наблюдаемая у Августина Блаженного, знакомого с текстами Стагирита, прекратилась, и большинству западноевропейских учёных, если только они не оказывались на Востоке, его учение о разделении животного мира не было известно. Длительный этап с VII по XIII вв. можно охарактеризовать как безусловное господство в западноевропейском регионе авторитета Исидора Севильского и его «Этимологий». Совместно с физиологами и бестиариями, сочинение севильского епископа обеспечивало скудное и неглубокое знакомство с окружающим животным и растительным миром.

§ 2. Переводы XII–XIII вв.

Сочинения античного мыслителя о животном мире претерпели долгий путь от времени своего создания от Античности к Средним векам через Византию и арабский Восток, обогатившись новым материалом. Очевидно, что дальнейшая судьба зоологических и медицинских текстов Авиценны,

⁵² Grant E. A History of Natural Philosophy. – P. 101–102.

⁵³ Подобное выделение животного мира из общей картины натуральной философии, по-видимому, было первым в истории подобной литературы. Как видно из сочинений Аристотеля и всех последующих авторов, так или иначе, неизбежно использовавших его сведения, животный мир был объединён с растительным и минеральным в единое целое. В упоминавшихся выше физиологах наблюдаем аналогичное разделение, но физиологи представляли собой аналог современных биологических атласов конкретной местности, похожих на охотничьи книги.

Аль-Фараби, как и иных мусульманских авторов, лежала через Аль-Андалус и иберийские земли⁵⁴.

На протяжении середины XII – начала XIII вв. западноевропейским учёным посредством переводов, выполненных интеллектуалами Кордобы и Толедо, был открыт корпус текстов по медицине, зоологии, ботанике, астрономии и иным наукам. Учёные и медики Аль-Андалуса, имевшие самые широкие познания в естествознании для своего времени, послужили знакомству образованных людей Запада с трудами античных, византийских и восточных авторов, в том числе с сочинениями Аристотеля⁵⁵.

В рамках рассмотрения развития зоологического знания и его континуитета от Античности к Средним векам следует упомянуть о деятельности толедских переводчиков, например, Герарда Кремонского⁵⁶ и Михаила Скота⁵⁷, благодаря знаниям и эрудиции которых мыслители Западной Европы заново открыли для себя неизвестные прежде ценнейшие сочинения восточных и греческих авторов.

Причины, по которым Толедо стал центром известнейшей европейской переводческой школы, кроются в нескольких аспектах. Во-первых, ещё до завоевания города Альфонсо VI Кастильским Толедо являлся одним из научных центров Мусульманской Испании, а правители города лично принимали участие в написании, комментировании различных трактатов, в проведении наблюдений и опытов, покровительствовали как местным, так и

⁵⁴ Гайденко В.П. Западноевропейская наука в Средние века: общие принципы и учение о движении / В.П. Гайденко, Г.А. Смирнов. – М.:Наука, 1989. – С. 75.

⁵⁵ История Испании // С древнейших времен до конца XVII века / В 2 т., т.1. под ред. В.А. Ведюшкина, И.И. Варьяш, Г.А. Попова, А.П. Черных, Е.Э. Юрчик, [и др.]. – М.: Индрик, 2012. – С. 178; Корсунский А.Р. История Испании XI–XIII вв. – М.: Высшая школа, 1976. – С. 28–38.

⁵⁶ Burnett Ch. The Coherence of the Arabic-Latin Translation Program in Toledo in the Twelfth Century // Science in Context. – 2001. – 14 (1/2). – P.254–270.

⁵⁷ О нём см.: Wood Brown J. An Enquiry into The Life and Legend of Michael Scot. – Edinburgh: David Douglas, 1897. – 281 P.; Burnett Ch. The Coherence of the Arabic-Latin Translation Program in Toledo in the Twelfth Century. – P. 253.

приезжавшим из других регионов учёным⁵⁸. Во-вторых, Реконкиста и «возвращение» города под христианское управление значительно не повлияло на его кипучую научную жизнь, поскольку Альфонсо VI в 1085 году позволил местным жителям сохранить своё имущество и пожитки, а также оставил в сохранности местные архивы и библиотеки⁵⁹. Несмотря на то, что большинство учёных мусульманского вероисповедания были вынуждены покинуть Толедо, что на полстолетия определило упадок научной деятельности в городе, впоследствии, в начале XII столетия всё вернулось на прежние места.

Богатейшие собрания библиотек и архивов Толедо, хранившие сотни восточных манускриптов, тексты на греческом и латыни, привлекали учёные умы со всей Западной Европы⁶⁰. Возвышение Альмохадов в Северной Африке и Аль-Андалусе, известных своей ревностной верой, привело к бегству в 1147 году многих мосарабов, евреев и даже части умеренных мусульман в христианские территории, и большинство беженцев нашли приют и защиту в Толедо. Среди вынужденных переселенцев были и представители интеллектуальной элиты Аль-Андалуса, которые внесли свой вклад в библиотечные коллекции⁶¹.

Переводы в Толедо выполнялись следующим образом: знавшие арабский или другие восточные языки мосарабы, а иврит – евреи переводили хранившиеся в городе манускрипты на местный диалект (по-видимому, предшественник кастильского языка) для своих коллег, прекрасно знакомых с латынью. Последние, в свою очередь, завершали переводческую работу,

⁵⁸ *Burnett Ch. The Coherence of the Arabic-Latin Translation Program in Toledo in the Twelfth Century. – P. 253-255.*

⁵⁹ *Ibid.*

⁶⁰ *Burnett Ch. The Coherence of the Arabic-Latin Translation Program in Toledo in the Twelfth Century. – P. 250.*

⁶¹ *Ibid.*

транслируя тексты на латинский язык и таким образом делая их понятными для большинства западноевропейских учёных⁶².

Со временем мосарабы и евреи совместно с городским клиром и интеллектуалами, знавшими латынь, воспитали «универсальных» переводчиков, знатоков одновременно нескольких языков, средневековых полиглотов. Самыми известными среди них были Герард Кремонский и Михаил Скот, которые в общей сложности собственноручно перевели более сотни арабских манускриптов⁶³.

Герард Кремонский (1114–1187) представлял первое поколение «универсальных» переводчиков. Точно установлено его авторство более семидесяти переводов различных сочинений: от трудов по математике и астрономии до книг античных философов в арабском изложении. К следующему поколению относят Михаила Скота (? – 1236), продолжившего труд Герарда. Изучив, по-видимому, огромное множество рукописей и обучившись мастерству перевода с арабского на латынь, Михаил Скот применил свои умения при дворе Фридриха II, где перевёл с арабского (используя одновременно несколько имевшихся в его распоряжении рукописей, что было установлено нидерландским историком Аафке ван Оппенраай) «Книгу о природе животных», часть энциклопедического труда Ибн-Синны, основанную на аристотелевских книгах, объединяемых в *De animalibus*⁶⁴. Именно перевод Михаила Скота послужил основой для дальнейших сочинений Альберта Великого, зоологическое наследие трудов которого определило взгляды на животный мир вплоть до XV в.⁶⁵

⁶² *Burnett Ch.* The Coherence of the Arabic-Latin Translation Program in Toledo in the Twelfth Century. – P. 252.

⁶³ *Ковнер С.Г.* История Средневековой медицины. – С. 349–351.

⁶⁴ *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля... – С. 113; *Van Oppenraaij I. A. M.* Michael Scot's Arabic-Latin translation of Aristotle's Book on Animals. Some remarks concerning the relation between the translation and its Arabic and Greek sources // Aristotle's animals in the Middle Ages and Renaissance / ed. C. Steel, G. Guldentops, P. Beullens. Leuven: Leuven University Press, 1999. – P. 31.

⁶⁵ *Grant E.* A History of Natural Philosophy. – P. 137.

В Западной Европе с середины XIII века переводческая традиция не ограничивалась интеллектуалами Аль-Андалуса и его территорий, отвоёванных христианами. В XIII в. появились первые университеты, ставшие новыми центрами учёности и образования, в которых было принято изучение древнегреческого и некоторых восточных языков. Учёные, как правило, богословы занимались в университетских центрах переводами доступных им манускриптов на древнегреческом языке, что обогатило и в некотором смысле дополнило труд толедских переводчиков, открывших эрудитам средневековой Западной Европы античных и арабских авторов. Одним из известных переводчиков с древнегреческого был Виллем (Вильгельм) из Мёрбеке⁶⁶, фламандский монах.

Знаток арабского языка и прошедший превосходное обучение в Толедо, Михаил Скот сумел исправить многие ошибки переписчиков и неточности мусульманских медиков и философов, однако в его конечной редакции сочинения представляли собой, по сути, многократно скорректированные, не лишённые ошибок, интерполяций предшествующих редакторов. Мнения мусульманских учёных Авиценны, Аль-Фараби, Аверроэса и др. удобно помещены на страницах перевода Михаила Скота, что позволяло, например, Альберту Великому, мало знакомому с арабо-византийским научным наследием, обнаружить необходимые позиции собранными в одной книге⁶⁷.

В то же время для средневековых интеллектуалов очевидной стала нехватка переложений на латынь античных трудов, выполненных не с

⁶⁶ Verbeke G. L'Aristote latin et les commentaires latins médiévaux sur Aristote // G. Verbeke, J. Brams / Bulletin de philosophie médiévale. – 1992. – 34. – P. 11, 13; Beullens P. Quelques observations sur la traduction de l'Histoire des animaux d'Aristote par Guillaume de Moerbeke // Bulletin de philosophie médiévale. – 1992. – 34. – P. 181–196; Воробьев Г.М. Неологизмы Феодора Газы из его латинского перевода «De animalibus» Аристотеля в современной зоологической номенклатуре // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2015. – Т. 19. – С. 158.

⁶⁷ Де Либера А. Средневековое мышление / пер. с франц. О.В. Головой, А.М. Руткевича. – М. Праксис, 2004. – С. 56–57; Burnett Ch. The Coherence of the Arabic-Latin Translation Program in Toledo in the Twelfth Century. – P.253; Wood Brown J. An Enquiry into The Life and Legend of Michael Scot. – P. 18–42.

восточных манускриптов, а с греческих, преимущественно византийских, сохранивших лучше прочих оригинальный текст.

Вильгельмом был осуществлён перевод нескольких сочинений Аристотеля с древнегреческого языка, в том числе и сборника *De animalibus*, ставшего ко времени деятельности Вильгельма доступным из Византии⁶⁸, по заказу Фомы Аквинского.

Причина, по которой ему был заказан перевод античных и зоологических трудов, ясна: имевшие широкое распространение переложения их на латынь, выполненные Михаилом Скотом несколько ранее с использованием преимущественно арабских источников, заключали в себе ряд неточностей и ошибок в сравнении с манускриптами на древнегреческом из Византии и других регионов Востока, переписанных ближе к оригинальным текстам.

В результате к концу XIII века в Западной Европе были распространены два перевода книг Аристотеля: перевод Михаила Скота, использованный Альбертом Великим, и перевод Вильгельма из Мёрбеке, более достоверный в сравнении с первым⁶⁹. По-видимому, благодаря использованию текста Михаила Скота Альбертом Больштадским, данный перевод был более популярен на протяжении XIII-XIV веков: в библиотеках и архивах Западной Европы сохранилось более шестидесяти манускриптов, содержащих версию Михаила Скота; в то время как число уцелевших текстов перевода Вильгельма из Мёрбеке примерно в два раза меньше.

§ 3. *De animalibus*: первые комментарии

До конца XX в. в науке было принято утверждение, что первым комментатором трудов Аристотеля по зоологии (объединяемых в «De

⁶⁸ *Beullens P.* Quelques observations sur la traduction de l'Histoire des animaux d'Aristote par Guillaume de Moerbeke. – P. 181–196; *Verbeke G.* L'Aristote latin et les commentaires latins médiévaux sur Aristote. – P. 13.

⁶⁹ *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля... – С. 110–111.

animalibus») являлся Альберт Великий, основывавшийся на переводе Михаила Скота⁷⁰. В 1970-х гг. Жозе Мария да Круз Понтеш последовательно доказал⁷¹, что первым комментарием к зоологическим сочинениям Аристотеля являлись соответствующие труды Петра Испанского (1215–1277), ставшего папой Иоанном XXI. Пётр Испанский, по утверждению этого автора, издал два собственных рассуждения по античным трактатам: первое сделано им до избрания на понтификат, и до настоящего дня манускрипт хранится в Национальной библиотеке Испании в Мадриде; а второе – после избрания, а соответствующая рукопись находится во Флоренции; однако испанский историк Мигель де Асуа опроверг такие выводы, обосновав, что приписываемая Петру Ж.М. да Круз Понтеш рукопись имеет отличное авторство.

Таким образом, в настоящее время достоверно установлено, что первенство в написании собственных мыслей об аристотелевской *Scala naturae* принадлежит Петру Испанскому, а примерное время издания комментария – 1210 г.

Комментарий Петра содержит 822 вопроса к семнадцати из девятнадцати аристотелевских сочинений о животных, при этом автором выборочно использованы для написания собственных положений тексты Авиценны, Аверроэса, Гиппократ и др. (всего около сорока) авторов в переводах или на греческом или латинском языках. По всей видимости, Пётр вооружился перед началом написания комментариев всеми доступными ему медицинскими и натурфилософскими компендиумами⁷².

Его дополнения к *De animalibus* содержат как сугубо медицинские темы (о зачатии, о соитии, о беременности, о врождённых заболеваниях и т.п.) – в пятой, девятой книгах, вопросы диагностики и лечения болезней – в

⁷⁰ *De Asúa M. Peter of Spain, Albert the Great, and the Quaestiones de animalibus.* – P. 1; *De Asúa M. Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus.* – P. 189.

⁷¹ *Da Cruz Pontes J.M. A obra filosófica de Pedro Hispano Portugalense: Novos problemas textuais / Revista Portuguesa de Filosofia.* – 1973. – 29 (1). – P. 99–102.

⁷² *De Asúa M. Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus.* – P. 193.

девятой и двенадцатой книгах; так и аналогии и сравнения физиологии человека и животных и сугубо зоологические *quaestiones* – в тринадцатой книге⁷³. Пётр преимущественно излагает идеи от своего лица, изредка прибегая к прямому указанию на какой-либо «авторитет», в основном в частях, посвящённых животным. Например, Пётр полагает, что змеи и ящерицы впадают в зимнюю спячку в связи с незначительным количеством крови в их организме, и как следствие, недостатком тепла, в результате чего те вынуждены в холодное время года прятаться под землю, чтобы не растерять тепло, – и здесь Пётр привёл тезис Галена. В ином случае, при ответе на вопрос, зачем раненые птицы прикладывают к ранам орегано, Пётр вновь сослался на слова Галена, что орегано совмещает в себе тепло и сухость (свойства, предложенные в *Scala naturae* Аристотелем), обеспечивая регенеративный эффект.

Зачастую Пётр приводит отсылки сразу к нескольким авторам, совмещая их тезисы. В результате медицинские теории Галена оказались связаны с зоологическими идеями Аристотеля. К примеру, идея Галена о гуморальных жидкостях обеспечивающих баланс в организме и защиту от недугов, в его интерпретации оказалась взаимосвязана с характеристиками, предложенными Аристотелем для классификации групп живых организмов. Автором предложена и новая интерпретация термина «душа» (*spiritus*) в зоологическом и анатомическом контексте: это не только разум и рациональность, но также и гармония жидкостей в организме, но также и особая «движущая сила»⁷⁴.

Кроме сугубо медицинских и зоологических вопросов, Пётр рассмотрел и новые для средневековой западной традиции темы, а именно положения из сферы, именуемой сейчас фармакологией. Им рассмотрены

⁷³ *De Asúa M. Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus.* – P. 194–196.

⁷⁴ *Ibid.*

влияние различных лекарств, их состава, на здоровье, и различные эффекты (в т.ч. наркотические) от их употребления⁷⁵.

В двадцати шести вопросах автор не ограничивается изложением одной позиции, мнения, ссылок на авторитетных предшественников, а добавляет то, что в научной литературе именуется «*controversia inter medicos et philosophos*», т.е. спор между философами и медиками⁷⁶. Указанная *controversia* представлена приведением двух взаимоисключающих тезисов об одном факте или явлении, причём одна сторона именуется «Философом», а другая – «Медиком» («врачом», «доктором» и т.п.). Часть таких дискуссий касается вопросов зачатия и существования «женской спермы» и её вероятного участия в *conceptus*; другая освещает проблемы физиологии и строения тех или иных органов, как правило, сердца, и кровообращения. Значительное число обсуждаемых позиций относятся к области физиогномии, о том, является ли тот или иной внешний признак свидетельством серьёзной болезни, недуга, глупости или каких-либо персональных качеств.

Из двадцати шести вопросов только в пяти случаях автор принимает единственную из возможных точек зрения: в четырёх случаях сторону «философа» и в одном – «доктора». Во всех прочих Пётр как бы принял к сведению различные концепции и на основе них вывел «компромиссные» ответы. Для примера приведём один из *quaestiones* о вопросе происхождения и функционирования вен и нервов в организме. Автором обозначен тезис, принадлежащий Аристотелю, о том, что в организме присутствует лишь один «начальный» орган (в смысле орган, от которого исходят все нервные узлы, вены, артерии и т.п.) – сердце; по наблюдениям Галена, в организме таких «начальных» органов трое: мозг, сердце и печень. Пётр же сделал вывод о

⁷⁵ *De Asúa M. Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus. P. 194–196.*

⁷⁶ *De Asúa M. Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus. P. 200.*

том, что часть вен и нервов в организме исходят от печени и мозга, в то время как другая часть – от сердца⁷⁷.

В приведённых аргументациях двух сторон по некоторым вопросам можно рассмотреть взгляды автора и его философские симпатии. Например, по вопросу участия мужского семени в формировании эмбриона противоположные взгляды «медиков» и «философов», первые из которых полагают, что мужское семя непосредственно формирует зародыш, а вторые – что этого не происходит. Пётр вновь «соединил» обе позиции, заявляя, что такое участие происходит лишь нематериальным образом, при этом относительно философов автор допустил следующее высказывание: «[philosophus] intelligit universaliter» в противовес «[medicos] intelligit in homine solum et particulariter»⁷⁸, – считая, таким образом, что философия, в отличие от медицины, имеет дело не только с человеческим существом, но и со всем богатством животного мира. На следующий вопрос, следует ли считать предметом науки о животных не только таковых, но и людей, Пётр отвечает положительно. Второй пример его взглядов, тяготевших в сторону «философов» наблюдаем в споре о том, управляет ли мозг сердцем или нет. Пётр недвусмысленно писал: «эту проблему следует рассматривать с точки зрения философа, а не медика, поскольку вопрос [управляет ли мозг сердцем] относится к вопросам качественного, а не количественного состояния, а медики оперируют понятиями исключительно количественными, которые так или иначе связаны с излечением тела»⁷⁹. Пётр заключил, как следует из приведённого отрывка, что цель и предмет медицины как области знаний заключается в практическом применении методов лечения болезней. Медицина руководствуется лишь чувственным, эмпирическим, тем, что доступно человеческому сознанию из окружающего бытия, в то время как

⁷⁷ *De Asúa M. Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus. P. 201.*

⁷⁸ *De Asúa M. Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus. P. 201–202.*

⁷⁹ *Ibid.*

философия открывает новые рубежи знания, лежащие за пределами чувственного опыта: «*medicinalis consideration sensum non transcendit*»⁸⁰, – повторяет Пётр Испанский несколько раз на протяжении книги.

Будучи первым изучившим зоологическое наследие Стагирита, проделавшее, как мы наблюдали, многовековой путь и несколько изменённое под пером восточных (византийских, арабских, еврейских и др.) авторов, Пётр Испанский, как клирик и деятель Церкви, облёк его в более доступную форму для последующих мыслителей и комментаторов. Он исправил некоторые пункты оригинальной натуральной философии Античности и интерполяции учёных Востока с помощью обращения к античным и церковным авторитетам и исключил очевидные неточности воспроизводимого текста. Прежде остававшиеся в стороне от западноевропейских эрудитов зоологические сочинения теперь оказались доступны коллегам и духовным потомкам Иоанна XXI.

§ 4. Альберт Великий и средневековая «*Summa Zoologica*»

Хотя Петра Испанского можно назвать пионером в деле освоения античного наследия о животных, зоологические штудии Альберта Великого, имевшего титул *Doctor universalis*, приобрели куда большую популярность среди средневековых интеллектуалов. Некоторые историки, интересующиеся взглядами людей Высокого и Позднего Средневековья на флору и фауну, при более тесном знакомстве с сочинениями Альберта высказывают недоумение: как получилось, что его комментарии к *De animalibus*, сохранившие множество ошибок, перенесённых автором из источников, стали столь популярными?⁸¹ Другие исследователи придерживаются противоположной

⁸⁰ *De Asúa M. Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus. P. 201–202.*

⁸¹ *Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина. – С. 189–199.*

точки зрения, называя трактат Альберта «средневековой *Summa Zoologica*»⁸². Ниже мы проследим историю составления данного трактата учёным, взгляды Альберта, использованные им методы, и проанализируем причины особой значимости *De animalibus* в сфере зоологических познаний вплоть до появления гуманистической традиции в XV веке.

Альберт Больштадский – один из Отцов Церкви, его интеллектуальные таланты в науке и богословии получили признание при жизни. Обучившись основам наук и теологии в Падуе, Альберт в течение всей жизни продолжал знакомство с научным наследием Античности и Востока. На время его жизни (1200? – 1280) пришёлся наибольший подъём в изучении накопленных античных и арабских знаний благодаря развитию переводческих школ, прежде всего, иберийской (г. Толедо)⁸³.

Doctor universalis, как его называли, путешествовал по разным университетам Западной Европы, где читал лекции по самому широкому кругу вопросов. Помимо наставнической и преподавательской стези, Альберт избрал для себя цель ознакомиться с быстро распространявшимися по образовательным и научным центрам переводами сочинений античных, византийских и арабских авторов. Прежде всего, его интересовала аристотелевская традиция⁸⁴.

Особая популярность трудов Стагирита была обусловлена несколькими факторами. Как мы отмечали, его труды длительное время были недоступны в связи с тем, что научное развитие претерпевало определённый упадок вплоть до XII вв.⁸⁵, и не имелось достаточно образованных людей для погружения в содержание и смысл многократно переписанных

⁸² *Kitchell K.F. Albertus Magnus On Animals: A Medieval «Summa Zoologica» / Kitchell K.F., Resnick I. – Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 1999. – 1–2 vol.*

⁸³ *Questions concerning Aristotle's On Animals / Albert the Great, translated by Resnick M. I., Kitchell K. F. – Washington: The Catholic University of America Press, 2014. – P. 3.*

⁸⁴ *Труш Т.В. Система «христианського аристотелізму» Альберта Великого // Гуманітарні студії. – 2015. – 25. – С. 193–199.*

⁸⁵ К этому времени относят появление университетов, крупных образовательных, научных, культурных центров: *Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. – М.: Искусство, 1978. – С. 107.*

манускриптов, хранившихся в библиотеках и монастырях. Благодаря кропотливой работе переводчиков-эрудитов на рубеже XII–XIII вв. значительная часть рукописей стала доступна на латинском языке, и прежде неизвестные аристотелевские сочинения в переносном смысле обрушились на интеллектуалов XIII в.⁸⁶, обеспечив их на долгие годы питательной средой для работы ума. Для сформировавшейся к этому времени богословской традиции, замкнутой в определённом смысле на самой себе, подобное событие стало вызовом: «новые» трактаты заинтересовали многих сановников Церкви, независимо от их отношения к античной и мусульманской традициям⁸⁷, и они принялись вчитываться, осмыслять и приспособлять содержание и тезисы к существовавшим в тот период философским установкам.

Познания Альберта Великого в богословии и натуральной философии вкпе с использованием качественно выполненных переводов определили ценность и высокий для своего времени уровень выполненных им исследований. Данное утверждение относится к алхимии⁸⁸, геологии и минералогии⁸⁹, зоологии и ботанике⁹⁰, астрономии и др.

Вопросам разнообразия фауны Альберт посвятил книгу, озаглавленную им *De animalibus*. Исследователи обнаружили более пятидесяти пяти копий *De animalibus* в библиотеках и архивах Западной Европы, созданных в период XIII–XV вв.⁹¹. Установлено, что большую часть *De animalibus* учёный

⁸⁶ Burnett Ch. The Coherence of the Arabic-Latin Translation Program in Toledo in the Twelfth Century. – P. 269.

⁸⁷ О дискуссии см.: Де Либера А. Средневековое мышление. – С. 56.

⁸⁸ Длительное время существовало мнение об Альберте Великом как о превосходном алхимике; современные исследования приписываемого ему письменного наследия показали, что ряд трактатов и сочинений по алхимии не имели отношения к нему. Тем не менее, *De mineralibus*, авторство которого не вызывает споров, стал фундаментом средневековой алхимии.

⁸⁹ Трактат *De mineralibus et rebus metallicis*, текст трактата: URL : <https://books.google.ru/books?id=rIplkQUO6QgC&hl=ru&pg=PA1#v=onepage&q&f=false> , 10.04.2018.

⁹⁰ Трактат *De Vegetabilibus*, см.: Arber A. Herbs, Their Origin and Evolution: A Chapter in The History of Botany (1470-1670). – Cambridge: Cambridge University Press, 1912. – P. 253.

⁹¹ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 4.

создал в Регенсбурге в период 1256–1260 гг., где он служил епископом, закончив написание к 1263 году⁹².

Как отмечено ранее, при написании зоологического труда учёным были использованы несколько переводов сочинений античных и восточных философов, отредактированных и подготовленных толедскими мастерами и в университетских центрах Западной Европы. Основой для написания служил перевод Михаила Скота аристотелевских *Historia animalium*, *De partibus animalium*, *De generatione animalium*, и, кроме него, Альберт, по всей видимости, использовал переведённые сочинения Теофраста, Галена, Гиппократата, Авиценны и др⁹³.

De animalibus Альберта представляют собой объёмный труд, состоящий из двадцати восьми книг, посвящённым различным разделам зоологии. Альберт затронул вопросы анатомии, репродуктивной системы и эмбриогенеза, сравнительной физиологии человека и животных, ветеринарии и содержания домашних животных и птиц и т.п.

Ирвен Ресник и Кеннет Китчелл, американские историки, детально изучили *De animalibus* и представили перевод всех двадцати восьми составляющих трактат книг на английский язык в 1999 году. Они именуют написанное «Summa Zoologica», то есть «Суммой зоологии», полагая, что проделанный Альбертом труд по систематизации имевшихся в его распоряжении сведений из Аристотеля и прочих уже названных источников следует считать фундаментальным для науки и располагать в одном ряду с книжным зоологическим наследием Аристотеля и К. Линнея⁹⁴. «Суммой зоологии» И. Ресник и К. Китчелл обозначили *De animalibus* в смысле содержания, избранной автором методики освещения материала и жанра. Книга выполнена в схоластической традиции и даже при беглом знакомстве

⁹² Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 5.

⁹³ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 5; Goldstein-Préaud T. Albert le Grand et les Questions du XIIIe siècle sur le De animalibus d'Aristote. – P. 61.

⁹⁴ Карл Линней – шведский натуралист XVIII в., автор бинарной номенклатуры живых организмов, основы современной биологической систематики.

напоминает аналогичные произведения самого Альберта или его известного ученика, Фомы Аквинского, по богословию: автор рассмотрел каждый интересовавший его вопрос отдельно, прикрепляя различные точки зрения, и по каждому из них вынес собственное мнение с приведением обоснований и доказательств своей позиции⁹⁵.

Альберт не только основывался при составлении текста на вышеуказанных медиков и философов, но и прибегнул к собственным наблюдениям и «исследованиям». Так, в вопросах ветеринарии и ухода за домашними животными и скотом Альберт консультировался со специалистами соответствующих сфер, равно как и при составлении книг о птицах и рыбах и др., о чём указано в отведённых различным зверям частях *De animalibus*. Кроме того, присутствуют отсылки к его собственному опыту и знаниям, что, в результате, делает *De animalibus* первым подобным зоологическим сочинением в Средневековой Европе⁹⁶.

Далее кратко ознакомимся с содержанием трактата в соответствии с изданием Г. Штадлера и кратким конспектом В.В. Лункевича. В книге I⁹⁷ Альберт повествует об устройстве животных и человека как «perfectissimi animalis» («совершеннейшего животного»), разделив содержание на несколько смысловых блоков: об общем и особенном в строении разных животных и их поведении, о расположении видимых органов человеческого тела, о внутренних органах человека. В книге II приведены наблюдения о сходствах и различиях в физиологии человека и зверей⁹⁸. Книга IV уделяет внимание «бескровным» животным (в соответствии с аристотелевской Scala

⁹⁵ Kitchell K.F. Albertus Magnus On Animals: A Medieval «Summa Zoologica». – P. 1–19.

⁹⁶ Anzulewicz H. Die aristotelische Biologie in den Frühwerken des Albertus Magnus / Aristotle's animals in the Middle Ages and Renaissance / ed. C. Steel, G. Guldentops, P. Beullens. Leuven, 1999. – P. 160–161.

⁹⁷ Здесь и далее по: Albertus Magnus. De animalibus libri XXVI. Liber I. – P. 1–223; по частичному русскому переводу: Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 195–199.

⁹⁸ Albertus Magnus. De animalibus libri XXVI. Liber II. – P. 224–276.

naturae), их строению, органам чувств, половому диморфизму⁹⁹. Альберт считал, что у одних животных имеются и самцы и самки, а среди некоторых других, объединяемых им термином «гермафродиты», оба пола сосредоточены в каждой особи.

В книгах V–VI, IX–X, XV–XVIII¹⁰⁰ подробно трактуется о размножении животных и человека, причём Альберт привёл сведения о спаривании и формировании плода, о сопутствующих явлениях, например, о брачном поведении среди различных групп животных.

Книги VII–VIII¹⁰¹ посвящены «нравам и жизни животных», объединяя ряд крупных тем: например, изменениями, происходящими с животными в процессе их переселения из одного места в другое, при изменении климатических условий или в процессе скрещивания. Некоторые вопросы морфологии и сравнительной физиологии приведены в книгах III, XI–XIV¹⁰². Обобщающими по содержанию следует считать книги XX и XXI¹⁰³: в них Альберт ставит задачу охарактеризовать «природу живого организма». Говоря об основе жизни, учёный воспроизводит известную в его время схему о четырёх составляющих организм частях: земле, воде, огне и воздухе, которым соответствуют качества сухого, мокрого, тёплого и холодного. «В теле животного все четыре элемента существуют комбинированно, комплексно» («sunt complexionales non simplices»¹⁰⁴), – поскольку, как продолжает Альберт, – «вне их взаимодействия не могло бы получиться того, что отвечало бы природе животных, ведь в теле животного всё происходит путём растворения, смешения, доставления пищи, переваривания, распределения, ассимиляции, изменения формы, преобразования и

⁹⁹ Albertus Magnus. De animalibus libri XXVI. Libris IV. – P. 357–406; Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 195–199.

¹⁰⁰ Albertus Magnus. De animalibus libri XXVI. Libris V–VI, IX–X, XV–XVIII. – P. 407–495, 674–760, 990–1244.

¹⁰¹ Albertus Magnus. De animalibus libri XXVI. Libris VII–VIII. – P. 496–673.

¹⁰² Albertus Magnus. De animalibus libri XXVI. Liber III, Libris XI–XIV – P. 761–892 ; P.893–989.

¹⁰³ Albertus Magnus. De animalibus libri XXVI. Libris XX–XXI. – P. 1273–1348.

¹⁰⁴ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 195–199.

объединения». Все необходимые составные части имеются уже в семенной жидкости животных: они сосредоточены в той её части, из которой появляется сердце, которое формирует все части тела. Работа сердца, по Альберту, центральна: оно обеспечивает жизненной силой остальные органы. Далее предложен «критерий совершенства» живых организмов, в который заложено два принципа: морфология и поведение животного¹⁰⁵. В зависимости от степени сложности организации, а также от степени умственного развития одни животные менее, а другие более совершенны. В пример совершенного животного Альберт привёл человека, а в доказательство – тот факт, что человек постоянно пользуется руками, «органом органов и органом действенного ума» («organum organorum et organum intellectus operativi»¹⁰⁶); именно этим люди отличны от всех земных созданий и стоят выше их. У схожих с человеком по строению и облику обезьян, как отметил автор, нет ничего «от того божественного света» («nihil Divinae lucis»¹⁰⁷), которым Бог наделил исключительно человека. Приводя в пример руку как орган «действенного ума» и сравнивая человека и близких ему обезьян, Альберт, безусловно, имел в виду творческую способность человека, навык создания нового, отсутствующий у других обитателей земли. Альберт оговаривает, что некоторой степенью рассудка животные всё-таки обладают, но степень его развития в сравнении с человеческим невысока, о чём свидетельствует, с точки зрения автора, тот факт, что большинство животных не используют эксперимент, а если используют, то однократно, не систематически, не прибегая, таким образом, к абстрактному мышлению. Кроме этого, разум животных очевидно скуден, поскольку в их жизни главенствующую роль играют инстинкты и бессознательные влечения, в то время как у человека они выполняют функцию стимуляторов активной творческой деятельности. Здесь в качестве иллюстрации

¹⁰⁵ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 195–199.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

продемонстрированы певческие способности птиц: те используют их исключительно для брачных игр.

Книги XXII–XXVI¹⁰⁸ представляют особенную часть трактата, а именно, описания видов. Часть таких описаний почерпнута Альбертом из использованных источников, однако некоторые иллюстрации видов, в основном типично северных, продемонстрированы Альбертом впервые, среди которых иллюстрации кашалота и кита и охоты на них, моржей, пушных зверях (соболе и др.), белом медведе, рыбе-мече и ряде других.

Представленные Альбертом характеристики видов кратки и содержат лишь основные факты¹⁰⁹. Так, изображая белого медведя, Альберт сообщает, что он прекрасно умеет плавать, нырять и охотиться на водных животных. Подробными сведениями снабжены лишь описания нескольких домашних животных, в частности собаки и лошади.

Перечислены основные сведения и о животных, с которыми автор вряд ли мог столкнуться в жизни, например, о верблюдах и слонах. «Верблюд – животное безобразное, имеет на спине два горба; шея у него длинная, голени сильно развиты. Жажду верблюды утоляют в три дня раз; когда же доберутся до воды, то пьют её так много, что это удовлетворяет их и за прошлое и на будущее время... В пору брачных отношений они предпочитают одиночество и не выносят человеческого присутствия... Они подвержены подагре и бешенству, от которых легко гибнут... Любят ячмень, быстро поглощают его и затем ночью предаются жвачке... Молоко верблюдов

¹⁰⁸ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 196–199; Albertus Magnus. *De animalibus libri XXVI. Libris XXII–XXVI.* – P. 1349–1598.

¹⁰⁹ За исключением книги XXIV, *De natura avium*, в которой, помимо информации о многих видах птичьих как и в других завершающих трактат книгах, приведены сведения о содержании некоторых птиц, выведении, об охоте на них и т.п.: Haskins Ch. H. Science at the Court of the Emperor Frederick II // *The American Historical Review.* – Jul. 1992. – Vol. 27. – No 4. – P. 669–694; Smets A. Les accessoires des faucons et des fauconniers dans les traductions françaises du *De arte venandi cum avibus* de Frédéric II et du *De falconibus* d'Albert le Grand / Smets A., Toulan M. // *Science Translated: Latin and Vernacular Translations of Scientific Treatises in Medieval Europe* / ed. Goyens, De Leemans P., Smets A. Leuven: Leuven University Press. 2008. – P. 311–331.

нежнее всякого другого и отличается более тонким, достойным хвалы действием...»¹¹⁰

О слонах Альберт писал следующее: «Слон – крупнее иных тетрапод. Имеет хобот длиной в десять локтей, использует его вместо руки во время еды и для нападения, а также в иных случаях. Издаёт порой звуки через рот, тогда его рёв страшен, иногда через хобот, и тогда звук выходит более мягкий, напоминающий звуки свирели...».¹¹¹

Подобно Аристотелю, автор не упустил возможности упомянуть о способности некоторых зверей к мимикрии (защитной покровительственной окраске), в частности, это касается описаний змей и ящериц. В некоторых случаях Альберт подробно описал методы охоты разных видов: приведено детальное описание охоты личинки муравьиного льва на муравьёв и др.

Интересны сведения учёного о различных вымышленных зверях. Часть из них, как например, параграф о единорогах, Альберт воспроизводит без какой-либо критики. Некоторые мифы Альберт не только воспроизводит, но и подкрепляет «личным опытом», примером служит «превращение» лошадиных волосков в головастики при попадании в воду, о чём Альберт повествует, что сам неоднократно наблюдал подобное явление. К третьей группе относим истории Альберта о сказочных существах, которые он опровергает, куда входят иллюстрации гарпий, грифонов, фениксов, народные (по всей видимости) истории о некоторых животных¹¹².

Излагая сведения о гарпиях, Альберт добавляет, что не верит в них, поскольку эти сведения приведены в использованных им источниках как рассказам «неавторитетных людей, слова которых не подтверждены» («*quorum dicta non sunt experta*»¹¹³). Аналогично мнение Альберта и о грифонах. Грифон, согласно бытовавшей традиции, – животное-химера с головой и передними лапами орла, туловищем и задними лапами льва,

¹¹⁰ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 195–199.

¹¹¹ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 198.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

невероятно сильное, хранящее сокровища в горах, где оно обитает. Учёный полагает, что грифон – не более чем плод воображения, и вряд ли их существование установлено наблюдениями. Относительно реальности птицы-феникса Альберт пишет не менее категоричную отповедь после воспроизведения известных ему из книг описаний сказочной птицы: «грандиозная выдумка».

Подобные комментарии Альберт оставил после историй о пеликане, кормящем птенцов собственным мясом; о страусах, которые могут переваривать железо; о саламандрах, которые не сгорают в огне; о предсмертном пении лебедей, – «Думаю, что всё это выдумка» («Nos, puto, esse fabulosum»¹¹⁴).

Сомнение Альберта в отношении некоторых изложенных историй, – одна из первых попыток осмысления бытовавших в Средние века сюжетов. Прежде, как мы наблюдали у Исидора Севильского и – ещё раньше – у Августина Блаженного, любые сведения, даже о сказочных существах, принимались на веру. Творчество Альберта Великого обозначает новый этап в эволюции зоологических знаний, характеризующийся, с одной стороны, приведением более-менее детальных описаний тех или иных животных, и, с другой стороны, критикой и началом систематического использования эмпирически добытых сведений (методом опроса «знающих» лиц, собственных наблюдений).

Интересен в контексте настоящей работы и иной источник, имеющий отношение к Альберту Великому. Найденные в середине XX века в нескольких архивах Западной Европы манускрипты *QSA* представляют собой каждый небольшой по размеру (чуть более шестисот страниц) сборник по различным зоологическим проблемам, состоящий из записанных слушателями лекций Альберта. Найденные рукописи относятся к периоду

¹¹⁴ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 198.

XIV – XV вв., их подлинность и аутентичность не вызывают сомнений у исследователей¹¹⁵.

Конспекты университетских лекций времени Средних веков – известный науке материал для изучения и обсуждения. Однако *QSA*, в отличие от иных сохранившихся фрагментарно или полностью записей прослушанных университетских курсов, является, редким в своём роде источником, содержащим полноценный записанный и отредактированный студентами цикл из множества занятий.

В связи с использованием для анализа подобного текста перед исследователем возникает несколько проблем источниковедческого плана. Поскольку *QSA* является отредактированным сборником конспектов лекций Альберта Великого на латинском языке, историку следует обозначить степень доверия к *QSA* как к историческому источнику. Необходимо ли доверять подобному источнику, ведь его текст может не коррелировать с материалом, который действительно излагал Альберт при демонстрации зоологических знаний. *QSA* – это отредактированный и скомпилированный из, возможно, разных источников (необязательно лекций) компендиум¹¹⁶.

Историки И. Ресник и К. Китчелл отмечают, что *QSA*, безусловно, не следует изучать в отрыве от *De animalibus*, поскольку нет оснований считать *QSA* как последовательное изложение идей Альберта Великого в связи с отсутствием косвенных свидетельств¹¹⁷. Тем не менее, указанные историки, проведя анализ и перевод *QSA*, пришли к выводу, что ни одно из приведённых в данном тексте положений не противоречит соответствующим позициям Альберта Больштадского, заключённым в *De animalibus*. Считаем, что в ходе настоящей работы полезно изучить содержание указанного сборника, поскольку, независимо от величины присутствия самого Альберта и его взглядов в нём, *QSA* представляет собой крайне интересный и

¹¹⁵ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 6.

¹¹⁶ *Ibid.*

¹¹⁷ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P.6–7.

занимательный источник, который может помочь проследить эволюцию зоологических представлений в Средние века.

В компендиуме, в отличие от книги Альберта *De animalibus*, представлен ограниченный круг зоологических проблем, очевидно, наиболее интересных и актуальных на момент его компиляции: в *De animalibus* широкому кругу проблем посвящены двадцать восемь книг, в то же время *QSA* содержит лишь девятнадцать. Ниже мы кратко рассмотрим содержание *QSA*.

В книге I часть изложенных вопросов аналогична представленным в первой книге *De animalibus*: это общие вопросы и понятия о природе человека и животных, отдельных внешних и внутренних органов. Например, в *QSA* рассмотрены группы водных, наземных, подземных, земноводных и летающих животных и их признаков. Для человека приведены общие сведения о внутренних органах, их расположении, причинах такого расположения, их параметрах (размерах, структуре тканей), а также основных функциях. Другая часть книги посвящена проблемам физиогномии, что вызвано использованием постулатов этой паранаучной дисциплины в Средние века при лечении недугов. Проведена связь между размерами лба, бровей, формами губ и глаз и умственными способностями человека, между присутствием на ладонях тех или иных линий как характеристик темперамента и судьбы¹¹⁸.

Книга II посвящена сравнительной физиологии человека и животных. Её содержание почти полностью воспроизводит *De animalibus*, что справедливо и для следующей книги III, в которой внимание уделено сравнительной морфологии¹¹⁹. В частности, проведено сравнение некоторых внутренних и внешних органов (например, молочных желёз, зубов или волос на теле, кровеносных сосудов, вен и артерий), их расположения и формы, и выявлены причины таких различий.

¹¹⁸ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 13–77.

¹¹⁹ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 78–149.

В IV и VII автор рассмотрел повадки и сопоставил некоторые инстинкты человека и зверей (чувственное восприятие мира, необходим ли сон всем животным и т.п.)¹²⁰. К тексту книги IV присоединены дополнительные вопросы (*quaestiones annexiae*) в количестве двадцати четырёх, почти полностью отведённых механизмам регенерации в организме животных и людей и выяснению деталей различных заболеваний и недугований (бешенства, алкогольного опьянения, сильного голода), человеческого метаболизма. Комментарии книги VII относятся и к вопросам о базовых потребностях животных (питание, жажда, движение).

Книги V и VI¹²¹ излагают взгляды на вопросы о спаривании и брачных отношениях, а также выведении потомства различными видами зверей: периоды «гона», сезоны спаривания, причины возникновения приятных ощущений при половом сношении и т.п.

В части VII и VIII¹²² книг рассмотрены особенности поведения и степень развития интеллектуальных способностей отдельных видов, а в следующей (IX) – речь идёт о процессе зачатия и рождения у человека¹²³.

Книги X, XV полностью отведены вопросам полового поведения человека и половому диморфизму (разнице в строении женского и мужского тела). Философские вопросы, преимущественно онтологические, в контексте умственных способностей человека помещены в книгу XI. Части XII–XIV – о жидкостях в организме, составляющих жизнь (кровь, желчь, лимфа), о содержании этих жидкостей в отдельных органах, о значении работы органов у человека и животных и их влиянии на жизнь отдельных видов. Книга XVI раскрывает понятие души и сопутствующие проблемы: имеется ли душа в семени и в каком органе она заключена, какие органы и части тела формируются первыми. Книга XVII повествует о яйцекладущих видах, к которым относят и рыб.

¹²⁰ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 150–184, 225–267.

¹²¹ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 185–224.

¹²² Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 225–301.

¹²³ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 328–336.

Книга XVIII объясняет закономерности наследования признаков, в том числе черт характера, и воспитания детей. Заключительная часть XIX в общих чертах раскрывает принципы эмбриогенеза и формирование органов чувств у детей.

В отличие от *De animalibus*, в *QSA* остался не представленный целый ряд вопросов. Во-первых, в компендиуме *QSA* не приведена видовая спецификация, присутствующая в особенной части *De animalibus*. Во-вторых, в *QSA* сосредоточены положения преимущественно об устройстве человека, а сведения о животных даны общо, в контексте изучения строения человеческого тела, формирования плода, поведения и инстинктов: в *De animalibus* соотношение информации о животных и человеке равно противоположно¹²⁴.

QSA отличается от трактата Альберта и структурно: в последнем повествование ведётся линейно, автор излагает факты и подкрепляющий их материал, в некоторых вопросах добавляя, как мы отметили, личную позицию; в *QSA* порядок вопросов не соответствует тексту трактата и в рамках всех девятнадцати книг преимущественно хаотичен: соседствующие вопросы зачастую совершенно не связаны между собой, иногда наблюдается внезапный отход от принятой в книге рамки повествования и следующий за ним такой же неожиданный возврат. Вместе с тем, все представленные в книгах *QSA* темы изложены по принципу диалога между различными точками зрения о поставленной проблеме – аналогично наблюдаемому в произведениях Августина, Исидора Севильского и Петра Испанского. Но структура диалога отличается от таковой у более ранних средневековых авторов, спор ведётся не между «философом» и «медиком», а между двумя «обезличенными» позициями, что сближает *QSA* с современными научными методами.

¹²⁴ *De Asúa M. Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on De animalibus. P. 201–202.*

Подобная форма, «*quaestiones*», возникла из диспутов, часто устраиваемых в университетах Высокого и Позднего Средневековья. На подобных диспутах¹²⁵ проводивший занятие лектор предлагал вопрос для обсуждения студентам, а те, в свою очередь, предлагали две противоположные позиции и строили аргументацию. После изложения обеих сторон, ведущий занятие должен был «рассудить», разъяснить студентам, какие позиции верны, а какие ошибочны¹²⁶. Потому представленные в *QSA* различные точки зрения следует воспринимать именно как обсуждаемые на занятиях позиции, а не точку зрения самого Альберта Больштадтского.

Структура жанра «*quaestiones*» предполагает наличие шести последовательных элементов:

1. Постановка вопроса.
2. *Rationes principales*, или принципиальные аргументы, обычно против высказанного утверждения.
3. Мнение, противоположное *rationes principales*, обычно сопровождаемое отсылкой к известному авторитету (труды античных или средневековых авторов, чаще всего в *QSA* наблюдаем ссылки на Стагирита).
4. Разъяснение сути вопроса ведущим дискуссии, всех терминов и понятий.
5. Основные тезисы, заключения (*conclusiones*) ведущего дебаты с изложением множества примеров, иногда прилагаемые по пунктам.
6. Краткое опровержение позиций, предложенных в п. 2¹²⁷.

Сопоставить представленную схему жанра *quaestiones* можно с некоторыми примерами из текста *QSA*, которые мы привели в Приложении.

¹²⁵ Соответствующий термин «*disputatio*», подробнее: *Weijers O. Quelques observations sur les divers emplois du terme disputatio / Etudes sur la Faculté des arts dans les universités médiévales: Recueil d'articles. – 2011. – Vol. 28 (Studia Artistarum). – P.77–90 ; Weijers O. Quelques observations sur les divers emplois du terme disputatio // Itinéraires de la raison: Etudes de philosophie médiévale offertes à Maria Cândida Pacheco / ed. Meirinhos J.F. – Montréal: Brepols Publishers, 2005. – P. 35–47.*

¹²⁶ *Grant E. A History of Natural Philosophy. – P. 154.*

¹²⁷ *Ibid.*

Тем не менее, отмеченные выше особенности конспектов лекций QSA связаны, по-видимому, с сугубо прикладным значением этого компендиума. Известно, что и *De animalibus* и QSA вошли в программу обучения медицинских, философских (свободных искусств) и богословских факультетов, при этом особая роль написанному Альбертом трактату отводилась при обучении в рамках близкого знакомства с натуральной философией, в то время как QSA был использован медиками как компендиум, заключающий в себе большую часть известного к тому времени знания в области медицинского дела и анатомии¹²⁸. На наш взгляд, создание QSA связано с высокой ценностью оригинального труда Альберта Великого и сформулированных в нём идей, а также с потребностью вычленив отдельные сведения по медицине и анатомии из *De animalibus* для большего удобства при обучении на медицинских факультетах. Поскольку средневековая медицина не предполагала изучение анатомии человека с помощью хирургических методов¹²⁹, практическая ценность *De animalibus* и – в большей степени – QSA заключалась в изложении сведений о строении тела, полученных ранее в Античности, и экстраполяции зоологических параметров на человеческие, что было крайне полезным для дальнейшего развития медицины.

Трактат *De animalibus* Альберта Больштадского ознаменовал новый этап в изучении животного мира в Средние века. Учёным при исследовании впервые широко применены методы эмпирического познания окружающего мира (эксперимент, наблюдение и др.) в тесной связи с использованием массивных данных из сочинений античных философов, медиков Византии и арабского Востока и их критики. Таким образом, благодаря *De animalibus* заложены основы дальнейшего изучения фауны с применением таких методов. Альберт Великий снабдил собственный материал в

¹²⁸ Questions concerning Aristotle's On Animals. – P. 6–7.

¹²⁹ Ястребицкая А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. – С. 61; Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. – С. 543.

заключительной части *De animalibus* перечнем об отдельных видах, смутно напоминающим современные биологические видовые спецификаторы, что заметно отличает его труд от господствовавшей вплоть до начала XIII века традиции «Этимологий» Исидора Севильского, в которой зоологическим сведениям отведено немного места.

С позиции исследования зоологических взглядов Альберта и соотнесения их с изложенным в трудах Августина Блаженного, Исидора Севильского и Петра Испанского, следует отметить, во-первых, что Альберт Больштадский в большей степени интересовался зоологией и ботаникой, что видно из его объёмных произведений; во-вторых, обширный материал, отобранный учёным, обозначил начало увлечения интеллектуалов не только вопросами судьбы человека и его тела, но и проблемами устройства животных.

Животных стали изучать не только в связи с человеческой деятельностью (охота, рыболовный промысел, домашний скот), а как самостоятельный объект исследований, что подразумевало комплексный подход в их изучении, включавший не только философские вопросы. Интеллектуалов Средневековья с этого времени интересовало, как мы видим на примере Альберта Больштадского, внутреннее (анатомия) и внешнее устройство (морфология), поведение известных человечеству животных, что предопределило появившуюся позднее гуманистическую традицию¹³⁰.

Аристотелевские положения о животных, идеи *Scala naturae* и жидкостей, из которых состоит плоть, некоторые измышления Стагирита об отдельных видах, об их повадках и инстинктах в рамках трудов Петра Испанского и Альберта Великого оказались дополнены наблюдениями Галена, Гиппократов и др.¹³¹ в области анатомии и сравнительной физиологии

¹³⁰ Брызгалова Е.В. История биологии как смена парадигмального знания. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С. 19.

¹³¹ Лункевич В.В. От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии. – С. 198–199.

человека и животных, сведениями арабских учёных и в конечном итоге подкреплены собственными опытами и заключениями Альберта Великого.

Животный мир, до XIII века мало представленный в сочинениях западноевропейских мыслителей, предстал с открытием аристотелевских трудов гармоничным сплетением разного рода созданий, имевших те или иные «цели и средства», которые в представлениях мыслителей данного периода являлись иллюстрацией великолепного устройства мироздания. Прежде мало представленные в структуре мироустройства, звери пришли в неё вместе с другими античными идеями о космосе (*Scala naturae*): познание всей «лестницы живых организмов», с позиции Альберта, означало познание Бога»¹³².

Особая заслуга Альберта Великого заключалась в том, что он увидел богатство и многообразие античной и арабской науки и философии и «набросился» на всё греко-арабское знание¹³³. Главной задачей его кропотливой работы была аккумуляция всех доступных научных сведений, уже освоенных прежде греками и арабскими мыслителями, и их интерпретация.

§ 5. Бестиарии и травники

Помимо создания видными деятелями Церкви, философами и богословами как Августин Блаженный, Исидор Севильский, Пётр Испанский, Альберт Великий и др. книг, посвящённых натуральной философии или её зоологическому аспекту, в Средние века одновременно существовала и другая традиция при рассмотрении вопросов биологии:

¹³² Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. – С. 552; Ольшики Л. История научной литературы на новых языках. – С. 8.

¹³³ Жильсон Э. Философия в средние века: От отцов патристики до конца XIV вв. / пер. с франц., общ. ред. с послесл. и примеч. С.С. Неретиной. – М.: Культурная революция, Республика, 2010. – 2-ое изд. – С. 380–381.

некоторые исследователи именуют её «утилитарной»¹³⁴. Утилитарный подход заключался в воспроизведении флористических или фаунистических сюжетов не с «философской» позиции, а с точки зрения прикладного значения для медицины, агрикультуры и т.п. Бесспорно, и в сочинениях средневековых учёных присутствует, как мы видели, значительная часть положений, тесно связанных с лечебным делом. Однако созданные в рамках другого подхода произведения, в отличие от «философских», уделяли мало внимания вопросам натуральной философии¹³⁵.

Образцы «утилитарной» традиции – бестиарии и травники, имевшие огромную популярность на протяжении XIII – XV вв. Основой для средневековых травников и бестиариев служат позднеантичные физиологи (*physiologus*)¹³⁶.

Физиологи представляли собой популярно-теологические сочинения, возникшие в Поздней Античности в тесной связи, как отмечают некоторые историки, с рецепцией идей из произведения Плиния Старшего «Естественная история», а также со Священным писанием. Эти книги демонстрируют особенности животных, птиц, некоторых минералов, истолкованные с позиции библейской эзегезы. Физиологи – как отмечают исследователи – это народный соперник научной зоологии, поскольку всегда включает в себя истории о вымышленных животных, «монстрах», фантастических созданиях с назидательной целью (мир зверей представлен как мир людей). Иногда в литературе можно встретить сравнение физиологов с примитивным естественнонаучным учебником¹³⁷.

¹³⁴ *Arber A.* *Herbals, Their Origin and Evolution...* – P. 1.

¹³⁵ *Verner L.* *The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages* / ed. Gentry G.F. London: Routledge, 2005. – P. 80–83, 101; *Clark B.W.* *A Medieval Book of Beasts: The Second-family Bestiary: Commentary, Art, Text and Translation.* Woodbridge: The Boydell Press 2006. P. 1.

¹³⁶ *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля... – С. 110–111; Физиолог / изд. подг. Е.И. Ванеева. – СПб.: Наука, 1996. – 168 с.; *Verner L.* *The Epistemology of the Monstrous in the Middle Age.* – P. 28–33, 80–83, 87, 101–102.

¹³⁷ *Verner L.* *The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages.* – P. 80, 102; *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля... – С. 110–111

Авторство первых физиологов не установлено, однако известно, что впервые они появились в Сирии или Палестине в период II-IV вв. на греческом языке. Древнейший вид Физиолога представляет собой текст из сорока девяти статей, однако в более поздних редакциях могло быть иное количество статей (тридцать шесть – сорок девять) и их расположение.

Первый физиолог, называемый также физиологом первой (александрийской) редакции был составлен в районе II в. н.э. Вторая редакция относится к византийской традиции и была составлена в период V–VI вв. Третья редакция приписывается Василию Великому и датируется X–XI вв. Поздние редакции этого сборника активно переписывались и стали популярны в странах, соседствовавших с Византией, прежде всего в Болгарии и на Руси¹³⁸. В пятом веке физиологи были переведены на ближневосточные языки: сирийский, эфиопский, армянский, – а к девятому веку был составлен текст на латыни¹³⁹.

Статьи физиологов состоят, как правило, из названия того или иного животного или монстра (*bestiae*)¹⁴⁰, реального или явно вымышленного, и относящихся к нему рассказов, историй сказочного характера с обязательным присутствием аллюзии или прямой отсылки к тексту Священного писания. Животные всегда разделены пополам на «добрых» и «злых». Например, лев в физиологах является метафорой к образу Христа или всему христианскому учению¹⁴¹.

С середины XII века в Западной Европе появился новый вид сборников о флоре и фауне, известных как бестиарии. Самое широкое распространение бестиарии получили на протяжении XIII–XIV веков¹⁴².

Бестиарии, как и физиологи, состояли из статей, посвящённых отдельным видам, однако число этих статей с каждым новым сборником

¹³⁸ Физиолог... – С. 1–2.

¹³⁹ Воробьев Г.М. Биологические трактаты Аристотеля... – С. 110–111.

¹⁴⁰ К вопросу о терминах «animalia» и «bestiae»: Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages. – P. 15–19.

¹⁴¹ Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages. – P. 32

¹⁴² Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages. – P. 80

стабильно росло, что связывают с тем, что их компиляторы дополняли имевшиеся сведения из доступной философской (включая приведённые в настоящей работе труды Альберта Великого и др.), энциклопедической («Этимологии» Исидора Севильского) литературы¹⁴³.

По последним подсчётам, всего дошло до настоящего времени 143 бестиария, из которых абсолютное большинство (девятьюсто один) выполнены на латинском языке, тридцать пять – на французском, одиннадцать – на итальянском, пять – на каталанском и один – на среднеанглийском. Принадлежность некоторых из них к бестиарной традиции оспаривается. Так, единственный экземпляр, выполненный на среднеанглийском языке одни ставят в один ряд с иными бестиариями, в то же время другая позиция заключается в том, что данный сборник следует относить к традиции физиологов, так как данный экземпляр представляет собой лишь перевод латинского физиолога. В случае если не считать переводы физиолога с латыни на народные языки составной частью бестиарной традиции, общее число сохранившихся бестиариев необходимо уменьшить почти вдвое до семидесяти девяти. Тем не менее, обе цифры (149 и 79), равно как и факт создания книг на вернакулярных языках, позволяют историкам судить о внушительной известности и привлекательности бестиариев для различной аудитории¹⁴⁴.

Точная цель составления бестиариев до настоящего момента для историков неясна, существуют лишь гипотезы о предполагаемом использовании этих текстов. Полагают, что популярность и широкое распространение бестиариев связано с тем, что ими активно пользовались монахи при составлении проповедей: сказочные сюжеты с прилагаемой библейской трактовкой позволяли проповедникам лучше транслировать христианские догматы, поскольку их хорошо запоминали прихожане. Кроме того, бестиарии могли быть использованы при обучении как основа для

¹⁴³ *Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages. – P. 44.*

¹⁴⁴ *Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages. – P. 80.*

будущих штудий в области натуральной философии, о чём свидетельствует тот факт, что значительная часть бестиариев (шестьдесят четыре¹⁴⁵) практически не снабжена иллюстрациями и, следовательно, была предназначена для учёных людей. Однако оставшаяся часть книг снабжена изобразительным материалом, иногда роскошно представленным, что позволяет судить о бестиарии как об аналоге энциклопедий¹⁴⁶.

Подобно физиологам, бестиарии представляют собой компилятивные сборники о животных, настоящих и сказочных, иногда также сведениями о некоторых растениях и камнях. Содержание статей построено на следующей схеме¹⁴⁷:

- 1) название;
- 2) описание внешнего вида животного;
- 3) сведения о повадках животного;
- 4) сравнение поведения животного с религиозными и моральными принципами.

Излагаемые сравнения необязательно основаны на прямой ссылке на Священное писание, часто текст бестиария отсылает к общеизвестным моральным правилам, иногда никак не связанным с духовной стороной жизни. В результате каждое животное как бы демонстрировало пример того или иного поведения. Например, домашние питомцы считались аллюзией на ценность дружеских отношений и преданности, бобры – символом целомудрия, пустушки – послушание; тем временем, лисицы как символ служили аллегорией хитрости, притворства¹⁴⁸.

В качестве более детального примера мы приведём фрагмент из Абердинского бестиария о собаках (см. Приложение). Согласно схеме построения статей бестиариев, сначала представлена версия этимологии

¹⁴⁵ *Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages.* – P. 81.

¹⁴⁶ *Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages.* – P. 82–84.

¹⁴⁷ *Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages.* – P. 83.

¹⁴⁸ *Verner L. The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages.* – P. 83–84; *Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания.* – С. 558.

слова, а затем – характеристика собак как вида с конкретными примерами. Заключает отрывок статьи сравнение излечивающей силы слюны собак, облизывающих раны, с силой священнослужителей отпускать грехи в таинстве исповеди, и таким образом эта история, несомненно, выступает, в конечном счёте как назидательная и поучительная.

Другой пример (см. Приложение) из того же источника относится к муравьям. Описано происхождение названия и затем – способность (инстинкт) муравьёв совместно выполнять работу, что, по мысли автора бестиария, возможно и среди людей. И если несколько человек объединяются для решения общей задачи, они «будут вознаграждены в будущем», – это пример другой назидательной истории.

Как видим, ценность бестиариев в большей степени заключается в их использовании как источников для исследований мышления средневековых людей и дидактических практик; бестиарии содержат сравнительно немного информации объективного характера об описываемых зверях, поскольку создание бестиариев, вероятно, не имело цели воспроизвести целостную зоологическую картину мира¹⁴⁹, их задачей было изобразить мир как место взаимодействия Бога, дьявола, благодетели и греха¹⁵⁰. С другой стороны, часть из бестиарного западноевропейского наследия представляет огромную художественную ценность, поскольку во многих манускриптах представлены богатые изобразительные сюжеты, украшающие текст¹⁵¹.

Кроме бестиариев, существовала и другая традиция, имеющая важное значение для анализа эволюции зоологических представлений учёных, мыслителей Средневековья, – это традиция создания травников¹⁵². Как ясно из названия такого рода манускриптов, травники следует относить к истории ботаники, поскольку они заключают в себе сведения о растениях и их

¹⁴⁹ *Verner L.* The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages. – P. 89.

¹⁵⁰ *Эйкен Г.* История и система средневекового мирозерцания. – С. 545.

¹⁵¹ *Hassig D.* Beauty in the Beasts: A Study of Medieval Aesthetics / RES: Anthropology and Aesthetics. – 1990/1991. – No. 19/20. – P. 152.

¹⁵² Об античном периоде истории травников см.: *Collins M.* Medieval Herbals: The Illustrative Traditions. – London: The British Library, 2000. – P. 31–101.

использовании. Однако в XV столетии с появлением возможности создания и широкого распространения объёмных печатных книг травники и бестиарии ушли в прошлое, повлияв на формирование энциклопедических книг о флоре и фауне, что будет рассмотрено в следующем параграфе.

Травники, в отличие от физиологов, а затем бестиариев, не имели подобного распространения. Известно, что вплоть до тринадцатого века существовало небольшое количество трактатов о растениях, при этом видовые спецификации имелись в немногих из них¹⁵³. Более того, на протяжении IX–XIII веков широкое распространение имели каталоги растений, выполненные на мусульманском Востоке.

Содержание сохранившихся средневековых травников можно представить следующим образом: а) каждый травник разделён на некоторое количество глав и статей, посвящённых в основном лечебным растениям, но также и другим видам растений, а также крайне незначительное число статей – некоторым животным и минералам; б) статьи травников состоят из названий того или иного растения, синонимов, *habitat* (мест обитания), сведений авторитетных античных и иных авторов о представленном растении, его лечебные свойства, список рецептов для приготовления возможных снадобий и список недугов, которые помогает излечить растение или настойка из него; в) иллюстративный материал¹⁵⁴. Компиляторы травников, вероятно, сталкивались с очевидной проблемой с приложением изобразительного материала, поскольку при использовании скудного ассортимента красок и художественных принадлежностей крайне тяжело было передать примерный относительный размер растения, его отличительные особенности, а также стадии его развития. В результате, как отмечают исследователи, имеющийся иллюстративный материал травников, хотя и ценен с художественной и исторической точки зрения, вряд ли

¹⁵³ Collins M. *Medieval Herbals...* – P. 25–30.

¹⁵⁴ Collins M. *Medieval Herbals...* – P. 25–30; Arber A. *Herbals, Their Origin and Evolution...* – P. 1–9.

полезен при изучении флоры¹⁵⁵. Кроме того, циклы развития растений, изображённые как в позднеантичных манускриптах, в арабских трудах, так и средневековых практически идентичны друг другу: все заложенные в позднеантичной традиции составления травников ошибки полностью перекочевали в арабские каталоги и затем – в западноевропейские¹⁵⁶.

Тем не менее, травники и их арабские аналоги представляли собой уникальный прикладной материал для медицинских целей, и при возникновении возможности воспроизводить их содержание с помощью печати, возник совершенно новый жанр естественнонаучных учебников, энциклопедий, который мы рассмотрим в следующем параграфе.

Изложенные в травниках и бестиариях сведения, являвшиеся различными аллюзиями и аллегориями на сюжеты Священного писания, отражали средневековую картину мира, связанную с религиозными представлениями. Мир животных, трав и минералов в бестиарных сюжетах – «как бы книга, написанная перстом Божиим»¹⁵⁷.

§ 6. «Книги природы» XIV–XV вв

Эволюция в зоолого-ботанических представлениях совокупно с техническим развитием и использованием печатных средств привели к появлению нового типа книг о животных и растениях. Среди исследователей нет устоявшегося термина для именованя таких сборников, но, поскольку они в содержательном отношении являются более ботаническими, чем зоологическими, принято называть их «травниками»¹⁵⁸, с которыми, заметим, они имели некоторые различия. К тому же на протяжении XV века были напечатаны трактаты, имевшие исключительно ботанические описания и выступавшие, по сути, обновлённой версией рукописные травников, и они

¹⁵⁵ Collins M. Medieval Herbals... – P. 30.

¹⁵⁶ Collins M. Medieval Herbals... – P. 30.

¹⁵⁷ Эйкен Г. История и система средневекового мирозерцания. – С. 564.

¹⁵⁸ Arber A. Herbals, Their Origin and Evolution... – P. 10–11.

имели аналогичное название Мы же предлагаем в настоящей работе объединить изданные инкунабулы с обзором флоры и фауны под общим названием «книги природы» по данному одному из них его автором заглавию.

Появление «книг природы» полностью основано на применении новых, печатных технологий, значительно упростивших и ускоривших выход книг, а также качества представленных в них текста и иллюстративных материалов.

Одним из первых примеров считается издание «Книги природы» («Das buch der natur»¹⁵⁹) в 1470 году Конрадом Мегенбергским, содержащей объёмные сведения по зоологии и ботанике. Чуть позднее Яковом Мейенбахом была создана энциклопедия о животных и растениях под названием «Сад здравия» («Hortus sanitatis», иногда встречается «Ortus sanitatis»)¹⁶⁰.

«Книга природы», изданная в 1470 году, представляет собой, как считается, переложение в печатном варианте рукописного труда *Liber de proprietatibus rerum*, авторство которого приписывают монаху Бартоломею Гланвилльскому (Английскому), компилировавшему в своей работе известные ему зоологические и ботанические сборники, в том числе бестиарии, травники, а также первые комментарии на ставшие популярными среди учёных в XIII веке труды Аристотеля¹⁶¹. Трактат *De proprietatibus rerum*, выполненный в стиле энциклопедии наподобие «Этимологий» Исидора Севильского был ограниченно известен. Причина, по которой адаптировавший текст трактата к печати Конрад Мегенсбергский избрал именно его, неизвестна. Вероятно, *De proprietatibus rerum*, как компилятивный труд, вобрал в себя одновременно бестиарную и философскую традиции, обрामив в удобную энциклопедическую форму¹⁶².

¹⁵⁹ Arber A. Herbs, Their Origin and Evolution... – P. 11.

¹⁶⁰ Arber A. Herbs, Their Origin and Evolution... – P. 25.

¹⁶¹ Clair C. Unnatural History, an Illustrated Bestiary. – New York: Abelard-Schuman, 1967. – P. 15.

¹⁶² Ibid.

«Книга природы» К. Мегенбергского была неоднократно переиздана ещё до конца XV века, до настоящего времени сохранилось более двадцати экземпляров, некоторые из которых представлены в превосходном состоянии. Большая часть изданных инкунабул хранится в архивах и библиотеках Германии и Австрии¹⁶³. В настоящий момент проведена электронная оцифровка нескольких экземпляров, они доступны для просмотра всем желающим в сети Интернет¹⁶⁴.

В 1485 году Петером Шоффером (Peter Schöffer) был издан так называемый «Немецкий Гербарий»¹⁶⁵. Текст «Гербария» представляет собой краткую энциклопедическую справку о различных растениях, произраставших в Западной Европе и на Востоке. Сведения о растениях снабжены иллюстрациями, причём очень реалистичными, что наблюдаем впервые.

Содержание и «Книги природы» и «Немецкого Гербария» полностью соответствовало средневековой зоологической традиции. Описанные в данных энциклопедиях сведения о животных и растениях, как мы уже отмечали, целиком основаны на работах средневековых западноевропейских учёных, писавших комментарии к античным и восточным текстам, сохраняя некоторые черты бестиариев и травников. Содержание «Книги природы» и «Немецкого Гербария» в общих чертах следующее: в алфавитном порядке приведены разнообразные виды животных и растений, каждому из которых прилагалось описание, включавшее названия, варианты происхождения названий, *habitat* (в том числе для зверей, что явилось новшеством), способы лекарственного применения для растений и описания повадок, характера для животных, а также во многих статьях отсылки к Священному писанию.

¹⁶³ Arber A. *Herbals, Their Origin and Evolution...* – P. 10–11.

¹⁶⁴ *Megenberg K. Das Puch der Natur.* – Ausburg: Johann Bäumler, 1481. URL: <https://www.wdl.org/en/item/3158/>, дата последнего обращения: 15.05.2018.

¹⁶⁵ Arber A. *Herbals, Their Origin and Evolution...* – P. 18–24.

Кроме этого, инкунабулы содержали и ряд очерков, посвящённых общим вопросам философии, предварявших основные статьи о видах¹⁶⁶.

«Немецкий Гербарий» был воспроизведён на некоторых других западноевропейских языках, но в заметно уменьшенном формате. Во Франции, например, были изданы сборники «Arbolayte» и «Le Grant Herbier», однако их связь с «Немецким Гербарием» оспаривается¹⁶⁷.

Кульминацией развития средневековой зоологической традиции стало издание в 1490-ых гг. книги «Сад здравия» («Hortus sanitatis», «Ortus sanitatis»)¹⁶⁸, являвшейся переводом «Немецкого Гербария» на латинский язык¹⁶⁹. Соответственно, структура и содержание «Сада здравия» аналогичны двум предшествующим книгам¹⁷⁰, однако в последнем количестве статей увеличено практически вдвое, а общий объём информации – на одну треть за счёт дополнения статей о некоторых экзотических зверях и растениях¹⁷¹. По-новому издатель подошёл и к организации рисунков: они по-прежнему оставались довольно реалистичными, но в «Саду здравия» многие статьи были обогащены различными сюжетами, чего ранее не было ни в первых инкунабулах зоолого-ботанической тематики, ни в рукописных работах. Например, статья о платяной моли снабжена не только изображением имаго, но и схематическим рисунком гусениц, найденных в различных вещах в жилище.

¹⁶⁶ *Schöeffer P.* Hortus sanitatis [minor]. – Mainz, 1485. – Linda Hall Library, QK41.H7 1485. – URL: http://lhldigital.lindahall.org/cdm/ref/collection/nat_hist/id/5967, дата последнего обращения: 15.05.2018.

¹⁶⁷ *Arber A.* Herbs, Their Origin and Evolution... – P. 24.

¹⁶⁸ *Arber A.* Herbs, Their Origin and Evolution... – P. 25.

¹⁶⁹ *Arber A.* Herbs, Their Origin and Evolution... – P. 25–26.

¹⁷⁰ *Schöeffer P.* Hortus sanitatis [minor]. – Mainz, 1485. – Linda Hall Library, QK41.H7 1485. – URL: http://lhldigital.lindahall.org/cdm/ref/collection/nat_hist/id/5967, дата последнего обращения: 15.05.2018.

¹⁷¹ *Collins M.* Medieval Herbs... – P. 25–30; *Arber A.* Herbs, Their Origin and Evolution... – P. 25–31.

В «Hortus sanitatis» присутствуют и статьи, посвящённые сказочным зверям, полностью идентичные по методу изложения прочим статьям¹⁷².

На рубеже XV–XVI вв. «Сад здравия» был многократно переведён и переиздан¹⁷³. Все последующие редакции, а также некоторые другие появившиеся в XVI веке сборники по зоологии и ботанике восходили по структуре и организации текста к «Hortus sanitatis», послужив основой для последующих в Новое время изменений в репрезентации окружающего природного мира и зарождении научной систематики.

¹⁷² *De Cuba J.* Hortus sanitatis. De herbis et plantis. De animalibus et reptilibus. De avibus et volatilibus. De piscibus et natalitibus. De lapidibus et in terre venis nascentibus. De urinis et earum speciebus. Tabula medicinalis cum directorio generali per omnes tractatus – ed J. Pruss. – 1497. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k15109868.r=hortus%20sanitatis?rk=128756;0> , дата обращения: 15.05.2018.

¹⁷³ *Arber A.* Herbals, Their Origin and Evolution... – P. 32; Hortus sanitatis. – Bibliothèque nationale de France Bibliothèque nationale et universitaire de Strasbourg. Ms. 2.152. URL : <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b102246171.r=Hortus%20sanitatis?rk=21459;2> , дата последнего обращения: 15.05.2018.

Заключение

В настоящей работе были рассмотрены основные этапы развития зоологической традиции в Средние века: от восприятия античной (аристотелевской) *Scala naturae* мыслителями XIII в. до появления жанра «книг природы» в конце XV века.

В ходе изучения эволюции представлений о животном мире мы выделили и рассмотрели следующие её этапы.

Во-первых, это раннесредневековая зоология, представленная в сочинениях Августина Блаженного, Исидора Севильского. Для этого этапа как первой попытки христианского осмысления натуральной философии античных мыслителей свойственны акцент на религиозных сюжетах в ущерб натуралистским описаниям, которые практически не представлены в трудах указанных мыслителей. Кроме этого, впервые животный мир был соотнесён с теориями устройства мира Богом. Представители фауны и человек – в теснейшей связи, однако человек заметно выделен на их фоне, поскольку лишь ему доступно божественное откровение. В «Этимологиях» Исидора Севильского сведения о животном мире представлены в одной из книг, но содержащиеся в ней данные об отдельных видах крайне поверхностны и, как правило, относятся лишь к одомашненным животным.

Во-вторых, это период рецепции античного зоологического наследия, прежде всего аристотелевского, средневековыми учёными, произошедшая на рубеже XII–XIII вв. Поскольку Альберт Великий и др. богословы получили доступ к переводам сочинений Аристотеля с арабскими интерполяциями по лечебному делу и алхимии, именно на эти две дисциплины состоявшееся «открытие» античных трудов оказало наиболее влияние. Рассмотрение окружающего животного мира по-прежнему соотнесено с Провидением и волей Бога, однако были предприняты первые попытки проникнуть в секреты анатомии и физиологии без прямых отсылок к Священному писанию. Заключённые в творчестве Альберта Великого сведения о

животном мире, воспринятые богословом из произведений античных и арабских авторов, с одной стороны, имеют во многом характер компиляций и воспроизведения тезисов из произведений-источников. С другой стороны, Альберт Великий при написании собственных комментариев изложил не только прежде озвученные материалы, но и обогатил их собственными наблюдениями и опытами, а также подвергнул критике часть ранее бытовавших положений. Животные в книге и сохранившихся конспектах лекций Альберта выступают как уменьшенные копии людей: хотя они находятся под властью врождённых рефлексов и инстинктов, они обладают чувствами, характером, определённой степенью интеллекта. Их устройство во многом аналогично устройству человеческого тела, однако они лишены того, чем Бог наделил лишь человека – души. Кроме того, рассмотрены многие вопросы устройства живых организмов, функционирования систем различных организмов. «Биоразнообразие» и сложное строение животных демонстрировалось как важная часть мироздания: все обитающие звери сотворены Богом и призваны напоминать человеку о всемогуществе Бога. Примечательно и то, что богослов подверг критике представления о существовании некоторых зверей и процессов в живой природе.

В-третьих, становление в конце XV в. традиции «книг природы», содержание которых аккумулировало обе «народную» (бестиарную) и «философскую» традиции. Первая была прежде представлена в бестиариях, содержание которых решало преимущественно дидактические задачи. Вторая связана с осмыслением богословами античного и арабского наследия и заключена в трудах Петра Испанского и Альберта Великого. Использование энциклопедической системы, накопленные ранее сведения о местах обитания, инстинктах и поведении, внешнем облике зверей стало первым примером подобной систематизации и основой для развития зоологии (биологии) как эмпирической науки. Отдельных животных в «книгах природы» ещё можно соотнести с отдельными христианскими святыми, а их повадки – с благодетелями или грехами. Вместе с тем они

представлены в новой роли: не в качестве назидательного примера или аллюзии, не в виде краткой справки в ряду других, не относительно других вопросов (в т.ч. сравнительной физиологии человека и животных), а как полноценный объект исследования. Можем заключить, что формирование «книг природы» и развитие данной традиции в XVI в. привело к более «объективному» рассмотрению животного мира, присущему учёным Нового времени. Животные в последующий этап человеческой истории превратились в объект научного изучения: учёные стали видеть в них прежде всего функционирующие тем или иным образом живые механизмы¹⁷⁴. От средневековой зоологии, наделявшей животных чувствами и ощущениями, желаниями и зачатками ума, последующая наука заимствовала лишь философские идеи о «целях и предназначениях» того или иного объекта, будь то животное или неодушевлённый предмет. Античная система *Scala naturae*, лестница живых организмов, и систематизация животного мира, изложенная в книгах Аристотеля, была адаптирована в период Средневековья в христианскую картину устройства мира, согласно которому вся природа являлась созданием Бога и воплощением его идей, и осталась практически неизменной, сохранившись до Нового времени.

¹⁷⁴ *Ревакина Н.В.* Человек в гуманизме итальянского Возрождения. – Иваново: Изд-во Ивановский гос. ун., 2000. – 236–237 с.

Список использованных источников и литературы

Источники

1. Aberdeen Bestiary. – Aberdeen University Library. MS 24. – URL: <https://www.abdn.ac.uk/bestiary/>, дата последнего обращения: 15.05.2018.
2. Albertus Magnus. De animalibus libri I–XXVI / ed. H. Stadler. Bd. I-II. Münster, 1916–1920. — (Beiträge zur Geschichte der Philosophie des Mittelalters. Texte und Untersuchungen XV-XVI). – URL: <https://opacplus.bsb-muenchen.de/search?oclcno=632700761&db=100>, последняя дата обращения: 15.05.2018.
3. *De Cuba J.* Hortus sanitatis. De herbis et plantis. De animalibus et reptilibus. De avibus et volatilibus. De piscibus et natalitibus. De lapidibus et in terre venis nascentibus. De urinis et earum speciebus. Tabula medicinalis cum directorio generali per omnes tractatus – ed J. Pruss. – 1497. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k15109868.r=hortus%20sanitatis?rk=128756;0>, дата обращения: 15.05.2018.
4. Hortus sanitatis. – Bibliothèque nationale de France Bibliothèque nationale et universitaire de Strasbourg. Ms. 2.152. URL : <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b102246171.r=Hortus%20sanitatis?rk=21459;2>, дата последнего обращения: 15.05.2018.
5. *Megenberg K.* Das Puch der Natur. – Ausburg: Johann Bämle, 1481. URL: <https://www.wdl.org/en/item/3158/>, дата последнего обращения: 15.05.2018.
6. Questions concerning Aristotle's On Animals / Albert the Great, translated by Resnick M. I., Kitchell K. F. – Washington: The Catholic University of America Press, 2014. – 574 p.
7. *Schöeffer P.* Hortus sanitatis [minor]. – Mainz, 1485. – Linda Hall Library, QK41.H7 1485. – URL:

http://hdl.digital.lindahall.org/cdm/ref/collection/nat_hist/id/5967 , дата
последнего обращения: 15.05.2018.

Литература

1. *Брызгалова Е.В.* История биологии как смена парадигмального знания. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 80 с.
2. *Воробьев Г.М.* Биологические трактаты Аристотеля в латинском переводе Феодора Газы как памятник гуманистической филологии: диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук: 10.02.14. – СПб.: 2017. – 263 с.
3. *Воробьев Г.М.* Неологизмы Феодора Газы из его латинского перевода «De animalibus» Аристотеля в современной зоологической номенклатуре // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2015. – Т. 19. – С. 158–168.
4. *Гайденок В.П.* Западноевропейская наука в Средние века: общие принципы и учение о движении / В.П. Гайденок, Г.А. Смирнов. – М.: Наука, 1989. – 352 с. – (Библиотека всемирной истории естествознания).
5. *Гуревич А.Я.* Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
6. *Де Либера А.* Средневековое мышление / пер. с франц. О.В. Головой, А.М. Руткевича. – М.: Праксис, 2004. – 368 с. – (Серия «Historia rerum»).
7. *Жильсон Э.* Философия в средние века: От отцов патристики до конца XIV вв. / пер. с франц., общ. ред. с послесл. и примеч. С.С. Неретиной. – М.: Культурная революция, Республика, 2010. – 2-е изд. – 678 с.
8. История биологии с древнейших времен до начала XX века / под ред. С. Р. Микулинского. – М.: Наука, 1972. – 563 с.
9. История Испании // С древнейших времен до конца XVII века / В 2 т., т.1., под ред. В.А. Ведюшкина, И.И. Варьяш, Г.А. Попова, А.П. Черных, Е.Э. Юрчик, [и др.] – М.: Индрик, 2012. – 696 с., с ил.

10. *Карсавин Л.П.* Символизм мышления и идея миропорядка в средние века (XII—XIII века) // Научный исторический журнал. – 1913. – Т. 1, Вып. 2. – № 2. – С. 10–28.
11. *Ковнер С.Г.* История Средневековой медицины. – Киев: Типография Императорского университета, 1893. – 599 с.
12. *Корсунский А.Р.* История Испании XI–XIII вв. – М.: Высшая школа, 1976. – 239 с.
13. *Лункевич В.В.* От Гераклита до Дарвина: очерки по истории биологии / В 3 т. Т. 1. – М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Мин. просвещения РСФСР, 1960. – 479 с.
14. *Ольшки Л.* История научной литературы на новых языках // В 2 т. Т. 1. / пер. с нем. Ф.А. Бернштейна, П.С. Юшкевича, предисл. С.Ф. Васильева. – М.: Гос. Техничко-теоретическое издательство, 1933. – 304 с.
15. *Ревякина Н.В.* Человек в гуманизме итальянского Возрождения. – Иваново: Изд-во Ивановский гос. ун., 2000. – 323 с.
16. *Труш Т.В.* Система «христианського аристотелізму» Альберта Великого // Гуманітарні студії. – 2015. – 25. – С. 193–199.
17. Физиолог / изд. подг. Е.И. Ванеева. – СПб.: Наука, 1996. – 168 с
18. *Эйкен Г.* История и система средневекового мирозерцания / пер. с нем. В.Н. Линда. – СПб.: Типография М.И. Акинфеева, 1907. – 732 с.
19. *Ястребицкая А.Л.* Западная Европа XI–XIII веков. – М.: Искусство, 1978. – 175 с.
20. *Anzulewicz H.* Die aristotelische Biologie in den Frühwerker des Albertus Magnus / Aristotle's animals in the Middle Ages and Renaissance / ed. C. Steel, G. Guldentops, P. Beullens. – Leuven: Leuven University Press, 1999. – P. 159–188.
21. *Arber A.* Herbals, Their Origin and Evolution: A Chapter in The History of Botany (1470-1670). – Cambridge: Cambridge University Press, 1912. – 253 p.

22. *Beullens P.* Quelques observations sur la traduction de l'Histoire des animaux d'Aristote par Guillaume de Moerbeke // *Bulletin de philosophie médiévale*. – 1992. – 34. – P. 181–196.
23. *Bodson L.* Redécouvrir les animaux antiques / *L'Antiquité Classique*. – 1979. – T.48, fasc. 1. – P. 146–153.
24. *Burnett Ch.* The Coherence of the Arabic-Latin Translation Program in Toledo in the Twelfth Century // *Science in Context*. – 2001. – 14 (1/2). – P.254–270.
25. *Clair C.* *Unnatural History, an Illustrated Bestiary*. – New York: Abelard-Schuman, 1967. – 264 p.
26. *Collins M.* *Medieval Herbals: The Illustrative Traditions*. – London: The British Library, 2000. – P. 31–101.
27. *Da Cruz Pontes J.M.* A obra filosófica de Pedro Hispano Portugalense: Novos problemas textuais / *Revista Portuguesa de Filosofia*. – 1973. – 29 (1). – P. 89–90.
28. *De Asúa M.* Medicine and Philosophy in Peter of Spain's Commentary on *De animalibus* // *Aristotle's Animals in the Middle Ages and Renaissance* / ed. S. Carlos, G. Guldentops, P. Beullens. – Leuven: Leuven University Press, 1999. – P. 189–211.
29. *De Asúa M.* Peter of Spain, Albert the Great, and the *Quaestiones de animalibus* // *Physis*. – 1997. – 34. – P. 1–30.
30. *Goldstein-Préaud T.* Albert le Grand et les Questions du XIIIe siècle sur le *De animalibus* d'Aristote // *History and Philosophy of the Life Sciences*. – 1981. – 3/1. – P. 61–67.
31. *Grant E.* *A History of Natural Philosophy: From the Ancient World to the Nineteenth Century*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 361 p.
32. *Bodson L.* The beginnings of Entomology in Ancient Greece / *The Classical Outlook*. – 1983. – Vol. 61. – No 1. – P. 3–6.
33. *Grant E.* *Sourcebook in Medieval Science* / ed. E. Grant. – Cambridge: Harvard University Press, 1974. – 844 p.

34. *Haskins Ch. H.* Science at the Court of the Emperor Frederick II // The American Historical Review. – Jul. 1992. – Vol. 27. – No 4. – P. 669–694.
35. *Hassig D.* Beauty in the Beasts: A Study of Medieval Aesthetics / RES: Anthropology and Aesthetics. – 1990/1991. – No. 19/20. – P. 137–161.
36. *Jacques A., éd.* Isidore de Seville, Etymologies, Livre XII. Des animaux. – Paris : Les Belles Lettres, 1986. – 475 p.
37. *Kitchell K.F.* Albertus Magnus On Animals: A Medieval «Summa Zoologica» / Kitchell K.F., Resnick I. – Baltimore, London: Johns Hopkins University Press, 1999. – 1–2 vol. – 1920 p.
38. *Lennox J.G.* Aristotle's Philosophy of Biology: Studies in the Origins of Life Science. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 348 p. – (Cambridge Studies in Philosophy and Biology).
39. *Resnick I.* Albert the Great on the «Language of Animals» / Resnick I., Kitchell K.F. // American Catholic Philosophical Q. 70. – 1996. – P. 41–61.
40. *Smets A.* Les accessoires des faucons et des fauconniers dans les traductions françaises du *De arte venandi cum avibus* de Frédéric II et du *De falconibus* d'Albert le Grand / Smets A., Toulan M. // Science Translated: Latin and Vernacular Translations of Scientific Treatises in Medieval Europe / ed. Goyens, De Leemans P., Smets A. Leuven: Leuven University Press. 2008. – P. 311–331.
41. *Van Oppenraaij I. A. M.* Michael Scot's Arabic-Latin translation of Aristotle's Book on Animals. Some remarks concerning the relation between the translation and its Arabic and Greek sources // Aristotle's animals in the Middle Ages and Renaissance / ed. C. Steel, G. Guldentops, P. Beullens. – Leuven: Leuven University Press, 1999. – P. 31–43.
42. *Verbeke G.* L'Aristote latin et les commentaires latins médiévaux sur Aristote // G. Verbeke, J. Brams / Bulletin de philosophie médiévale. – 1992. – 34. – P. 9–22.
43. *Verner L.* The Epistemology of the Monstrous in the Middle Ages / ed. Gentry G.F. – London: Routledge, 2005. – 145 p.

44. *Weijers O.* Quelques observations sur les divers emplois du terme *disputatio* /
Etudes sur la Faculté des arts dans les universités médiévales: Recueil d'articles.
– 2011. – Vol. 28 – P.77–92. – (Studia Artistarum).
45. *Weijers O.* Quelques observations sur les divers emplois du terme *disputatio* //
Itinéraires de la raison: Etudes de philosophie médiévale offertes à Maria
Cândida Pacheco / ed. Meirinhos J.F. – Montréal: Brepols Publishers, 2005. –
P. 35–48. – (Textes et Etudes du Moyen Âge, 32).
46. *Wood Brown J.* An Enquiry into The Life and Legend of Michael Scot
Edinburgh: David Douglas, 1897. – 281 p.

Приложение

Приложение № 1.

Абердинский бестиарий¹⁷⁵.

De natura canum.¹⁷⁶ (фрагмент).

Canis nomen Latinum Grecam ethimologiam habere videtur. Greco enim cenos dicitur, licet quidem a canore latratus appellatum existiment eo quod insonat unde et canere dicitur. Nihil sagatius canibus plus enim sensus ceteris animalibus habentm nam soli sua nomina cognoscunt, dominos suos diligunt. Canum sunt plurima genera, alii custodes domorum, substantiam dominotum suorum custodiunt ne forte rapiatur, in nocte a latronibus et pro dominos suos se morti obiciunt, voluntarie ad predam cum domino currunt, corpus domini sui etiam mortuum custodiunt, et non linquunt. Quorum postremo nature est, extra hominem esse non posse... Cani vero ubi vestigium leporis cervice reppererit, atque ad diverticulum semite venerit, et quoddam viarum compitum, quod partes in plurimas scinditur, obiciens singularum semitarum exordia tacitus secum ipse pettractat, velud sillogisticam vocem, sagacitatem colligendi odoris emittens... Sepe etiam necis illate evidentia canes ad redarguendos reos indicia prodiderunt, ut multo eorum testimonio plerumque sit credirum... Victus eius admorum modieus esse fertur. Catuli denique lingua vulneratorum solet esse saluti intestinorum. Natura eius ut ad vomitum suum revertatur iterumque comedat.

[Перевод]

«О природе собак».

Латинское название собаки, *canis*, по-видимому, имеет греческое происхождение. Ибо в греческом их именуют *cenos*, и некоторые полагают, что такое название дано по музыкальному звуку, *canog*, из-за их лая, потому что, когда они завывают, считается, что они поют, *canere*. Ни одно другое

¹⁷⁵ В настоящей работе представлены две статьи из Абердинского бестиария: Aberdeen Bestiary. – Aberdeen University Library. MS 24. – URL: <https://www.abdn.ac.uk/bestiary/>, дата последнего обращения: 15.05.2018.

¹⁷⁶ Aberdeen Bestiary, MS 24. – folio 18r.

существо не сравнится в интеллекте с собакой, ибо она обладает большим разумом, чем другие животные: они узнают свои клички¹⁷⁷ и любят своих хозяев. Существует множество видов собак: некоторые выслеживают диких зверей из леса, чтобы поймать; иные же бдительно охраняют овец от волков; собаки-сторожи в домах стерегут собственность своих хозяев, дабы оно не было украдено ворами в ночи, и жертвуют собой ради хозяина; они с охотой играют с хозяином; они сторожат его [хозяина] тело, даже если оно умерщвлено, и не покидают [его]. Наконец, их природа такова, что они не могут жить без человека...Когда пёс берёт след зайца или оленя и подходит к развилке тропы или скрещении нескольких троп, он идёт к началу каждого из путей решает для себя и приходит к выводу благодаря острому нюху... Часто, также, когда убийца уличён в преступлении, собаки выносят ясное решение по поводу судьбы осуждённого, и результатом их безмолвного выбора руководствуются... Собачий язык, облизывающий рану, излечивает её. Собачий образ жизни предельно скромн...

¹⁷⁷ Букв. «своё имя».

¹⁷⁸ Aberdeen Bestiary. – Aberdeen University Library. MS 24. – URL: <https://www.abdn.ac.uk/bestiary/>, дата последнего обращения: 15.05.2018. – Folio № 18r, 18v, 19r. Полный текст статьи см. по указанному URL.

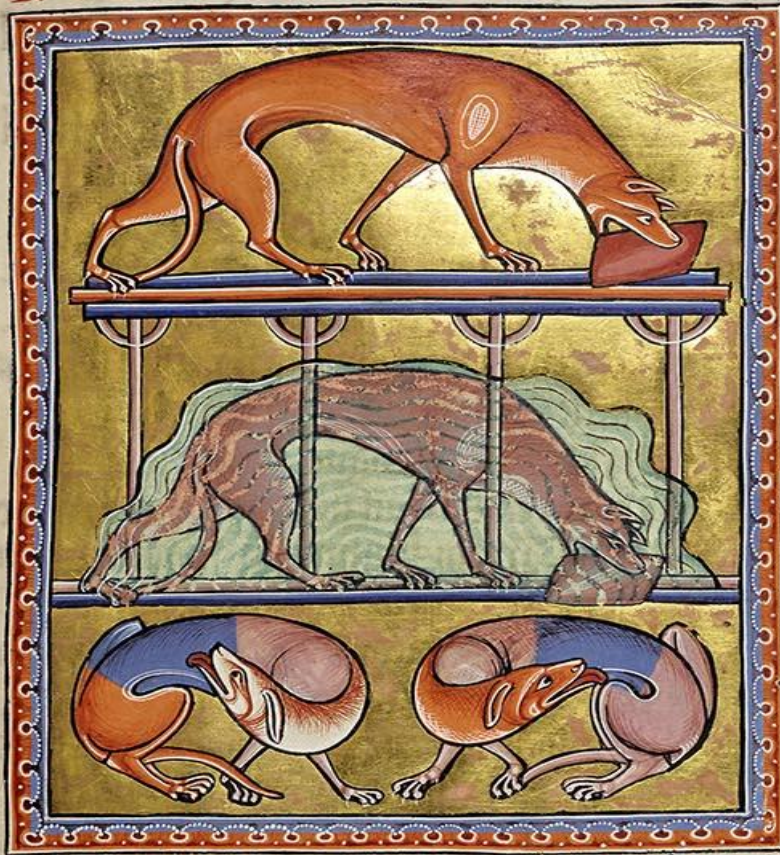
Item de natura canum.

legitur in
tantum
suos diligere
dominos. ut
garamantē
regem abini
mici captū
ac incustodia
manipatū,
ducenti canē
agmine fco
pmedial aci
es inimicorū.
ab exilio redū
xerunt plian
tes aduersus
resistentes. la
sone licio mē

fetto canis ipsius aspnae cibum inedia obit. Lasmachi
regis canis. flamme se iniecit. accenso rogo dñi sui et pa
rit igni absumptū ē. Apio iunio pectimo consulib; dāp
natum. dñm canis cum ambigi n̄ poss; comitat i carcerem.
mor percussū ululatu psecut; Quic; ex miseratiōe ppli roma
ni potestas ei fieret cibi. ad os defuncti escam tulit. Vltimo
ide delectū in tybim cadauer. ad natans sustentare conat.
Canis ū ū uestigium lepors cū ue repperit. atq; ad diu
culū semite uenerit. et q̄dam uiaz compitū. q̄d partes
i plurimas sendit. obiciens singular; semitaz exordia
tactū secum ipse ptractat. uelut sillogisticam uocē. saga
citatē colligendi odoris emittēs. Aut in hanc partē. in q̄
reflexit aut nullā. aut certe in hē se anfractū contulit

IT E RVm de NATURA CANVM.

Sepe
etiã
neq̃ il
late eu
dentia
canes
ad red
arguen
dos reos
indicia
p̃dide
runt.
ut mu
to eorũ
testimo
nio ple
rumq̃
fit credi
tum.

Antiochie ferunt in remotiore parte urbis quendam crepus
culo necatum virum. qui canem s̃ adunectum habet. con
tes q̃dam p̃dandi studio minit̃ extiterat cedis. Tectus
idem tenebroso diei adhuc exordio. in alias partes secesse
rat. Iacebat inhumatum cadauer. frequens erat spectantũ
uulgus. astabat canis. questu lacrimabili domini deflebat
erumpnam. Forte is qui necem intulerat ut se h̃c ũlucia
humani ingenij quo ũsandi in medio auctoritate p̃sũpta
fidem ascisceret innocentie. ad illam circumspicantis
popli accessit coronam. & uelut miserans app̃p̃inquauit

Приложение № 3.

Абердинский бестиарий.

De formicis (фрагмент)¹⁷⁹.

Formica tres naturas habet. Prima natura est ut ordinate ambulent, et unaqueque earum granum baiulet in ore suo. Et he que vacue sunt, non dicunt date nobis de granis vestris, sed vadunt per vestigia priorum usque ad locum ubi frumentum inveniunt et afferunt frumentum in cubile suum. Habet ad prudentium significationem dicta sufficiant, quia sicut formice congregant unde remunerentur in futuro. Secunda natura quando recondit grana in cubile suum dividit ea in duo, ne forte pluvia infundantur in hieme, et germinent grana et fame pereat, sic et tu homo verba veteris et novi testamenti divide, id est discerne inter spiritualia et carnalia, ne littera te occidat, quam lex spiritualis est sicut apostolus ait: Littera enim occidit, spritus autem vivificat. Judei namque solam litteram attendentes, et spiritualem intellectum contempnentes, fame necati sunt. Tertia natura est. Tempore messis ambu lat inter segetes, et ore intelligit an ordei sit spica an tritici. Si fuerit ordei, transit ad aliud spicum et odorat, et si senserit quia tritici est, ascendit in summitatem spici, et tollens inde granum portat in habitaculum suum. Ordeum enim brutorum animalium cibus est. Unde dicit Job: pro tritico prodivit mihi ordeum, scilicet doctrine hereticorum. Ordeacee enim sunt et procul abiciende, que dirumpunt et interficiunt animas hominum. Fuge ergo Christiane omnes hereticos quorum dogmata falsa et inimica sunt veritati. Dicit enim scriptura: Conferte ad formicam opiger, emulare vias eius, et esto illa sapientior. Illa enim culturam nullam possidet neque eam qui se cogat habet, neque sub domino agit quemadmodum preparat escam, que de tuis laboribus sibi messem recondit. Et cum tu plerumque egeas, illa non indiget. Nulla sunt ei clausa horrea, nulle impenetrabiles custodie, nulli inviolabiles acervi. Spectat custos furta que prohibere non audeat, aspicit sua dampna possessor nec vindicat. Nigro convertatur

¹⁷⁹ Aberdeen Bestiary. – Aberdeen University Library. MS 24. – URL: <https://www.abdn.ac.uk/bestiary/>, дата последнего обращения: 15.05.2018.– Folio № 24v, 25r

agmine preda per campos, fervent semite comitatu vianantium, et que comprehendi angusto non possunt humeris frumenta traduntur. Spectat hec dominus messis et erubescit tam parca pie industrie negare compendia. Novit etiam formica explorare serenitatis tempora. Nam cum adverterit madidatos imbre fructus suos humescere explorato diligentius aere, quando iugem possit servare temperiem, acervos reserat suos, et de cavernis foras suis humeris exportat, iugi sole propria frumenta siccentur. Denique haut unquam illis diebus omnibus rumpi de nubibus imbres videbis, nisi cum fruges suas horreis propriis formica revocaverit.

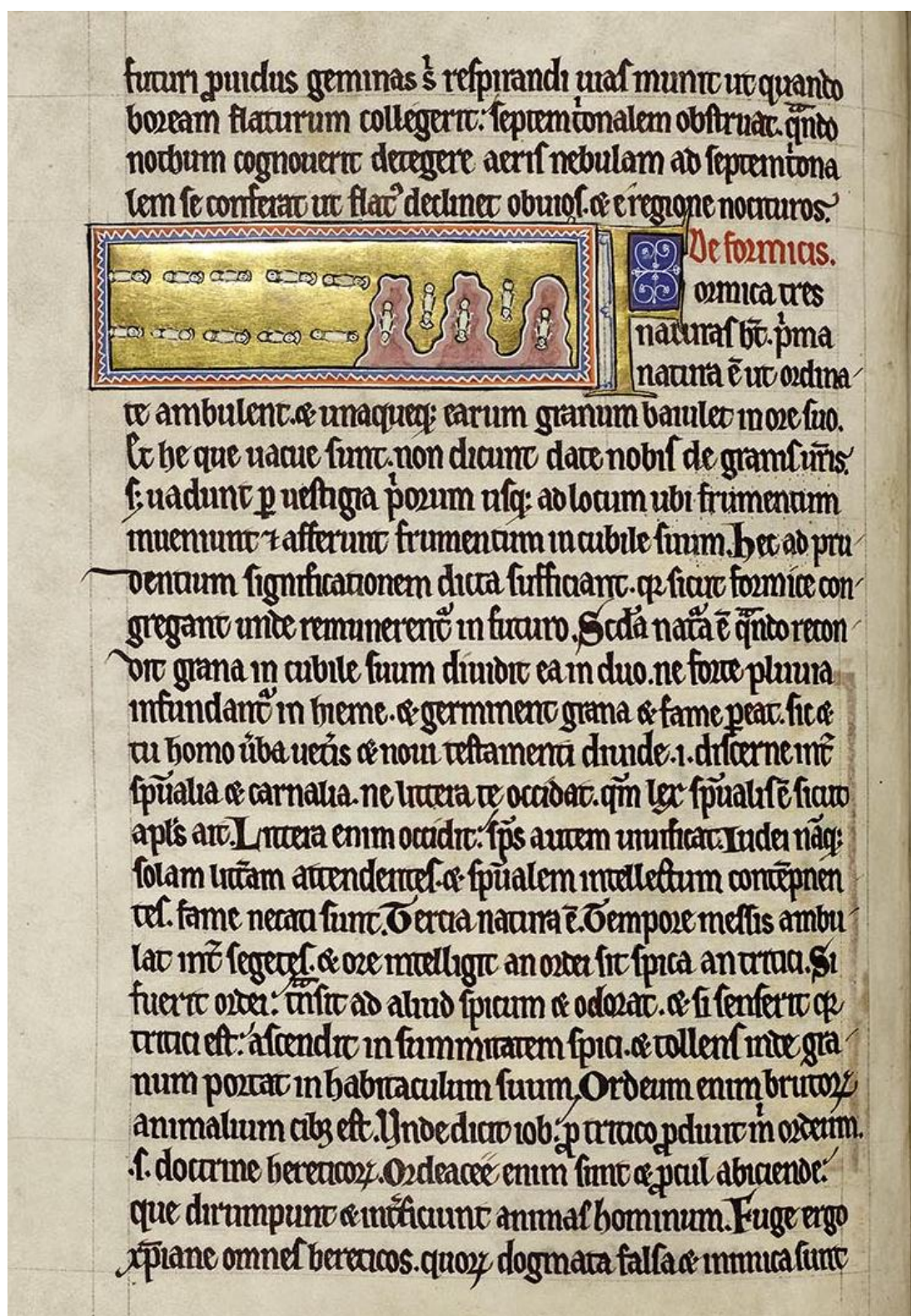
[Перевод]

О муравьях.

Муравью свойственны три вещи. Первая заключается в том, что они передвигаются цепочкой, каждый держит [при этом] зернышко во рту. Те [из них], кому нечего делать, говорят другим: «Дайте нам немного своего зерна», – и следуют по пятам к тем, кто первым нашёл, где лежит зерно, и вместе несут его в муравейник¹⁸⁰. Это описание [муравьёв] соответствует разумным людям, которые, как и муравьи, действуют сообща, и в результате пожинают хорошие плоды [своего труда] в будущем. Во-вторых, муравью свойственно, когда он несёт зерно в муравейник, разделять его [зерно] на две [группы], чтобы в случае зимних дождей [весь урожай] не был потерян, [потому что] зерно прорастёт, и муравью будет нечего есть и он умрёт от голода. О люди, [так и вам] надлежит разделять Старый и Новый завет и [правильно] отделять духовное от плотского, ибо закон [Божий], трактуемый буквально, может убить вас, ибо закон [Божий] – духовное, как говорят апостолы: «Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа, потому что буква убивает, а дух животворит». Ибо евреи, которые обращали внимание лишь на букву закона и игнорировали его духовный смысл, умерли от

¹⁸⁰ Букв. «в гнездо».

голода. В-третьих, третья черта муравья заключается в том, что во время сбора урожая он проходит через него и, покусывая колоски, проверяет, будь то ячмень или пшеница. Если это урожай ячменя, муравей идёт к другому колоску и обнюхивает его, и если он пахнет пшеницей, он поднимается к его вершине и уносит зерно в свой муравейник. Ибо ячмень – пища для зверей. Как говорит Иов: «Ячмень вырос для меня вместо пшеницы», что означает учение еретиков. Ибо ересь похожа на ячмень и должна быть отброшена, потому что она разрушает и разрушает души людей. Поэтому христианин бежит от еретиков; их учения ложны и враждебны истине. Ибо Писание говорит: «Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его, и будь мудрым». Муравей не знает ничего о сеянии; его никто не принуждает делать что-либо; ни действует он под руководством хозяина, который говорил бы ему, как складывать зерно. Но он собирает урожай из ваших трудов. И хотя вы часто голодаете, ему ничего не нужно. У него нет закрытых складов, нет защиты, нет груды вещей, которые нельзя трогать. Сторож смотрит на кражи, которые он не осмеливается предотвратить, владелец осознает свои потери, но не мстит. Они несут свою добычу в черной колонне полями; зерна, которые нельзя удержать в узких ртах в узких частях, они кладут на плечи. Пожинающий смотрит и краснеет от стыда при мысли об отказе от своих скромных завоеваний, добытых добросовестным трудом. Муравей также научился следить за периодами прекрасной погоды. Ибо если он увидит, что его запасы зерна становятся мокрыми, он тщательно проверяет воздух на наличие признаков дождя, [и если дождя нет], открывает свои хранилища и несёт свои запасы на своих плечах из-под земли наружу, чтобы зерно могло подсохнуть на солнце. Итак, в любой из таких дней, [когда муравьи снаружи муравейника], вы никогда не увидите дождя, если только муравью не вернулись свои зёрна под землю.

¹⁸¹ Aberdeen Bestiary. – Aberdeen University Library. MS 24. – URL:

<https://www.abdn.ac.uk/bestiary/>, дата последнего обращения: 15.05.2018. – Folio № 24v.

Приложение № 5.

*Quaestiones super de animalibus*¹⁸². *Содержание.*

Книга первая.

Вопрос 1: Являются ли животные [рассматриваемым] субъектом в настоящем труде.

Вопрос 2: Является ли необходимым для животного многообразие частей его плоти.

Вопрос 3: Может ли отрезанная часть тела быть восстановлена.

Вопрос 4: Верно ли, что все животные дышат воздухом.

Вопрос 5: Может ли живущее в воде животное, однажды изменив форму, стать сухопутным.

Вопрос 6: Представлено ли движение в каждом животном.

Вопрос 7: Всегда ли неподвижные звери водные, а не сухопутные.

Вопрос 8: Могли бы некоторые животные проживать общественной группой.

Вопрос 9: У всех ли животных фиксированный тип рациона питания.

Вопрос 10: Верно ли, что животное испытывает голод ночью сильнее, чем днём.

Вопрос 11: Может ли летающее [животное] ходить.

Вопрос 12: Могут ли все животные издавать звуки [vox].

Вопрос 13: Почему все животные, за исключением человека, очень шумят во время спаривания.

Вопрос 14: Можно ли разделить зверей исходя из их поведения [и привычек].

Вопрос 15: Имеет ли каждое животное сосуд для излишков экскрементов и сосуд для излишков мочи.

Вопрос 16: Всякое ли животное, выделяющее мочу, выделяет экскременты.

¹⁸² Questions concerning Aristotle's *On Animals*. – 574 p.; ниже приведём в качестве иллюстрации перевод содержания *QSA*, книги 1–4 по изданию И. Ресника и К. Китчелла.

Вопрос 17: Является ли ощущение прикосновения частью плоти или нечто аналогичного ей.

Вопрос 18: Существует ли ощущение в единообразных членах и существует ли действие в неравномерных.

Вопрос 19: Почему какие-то животные имеют лапы, а какие-то нет.

Вопрос 20: Почему рациональное животное включает в себя лишь один вид.

Вопрос 21: Основывается ли физиогномия на [различных] частях тела.

Вопрос 22: В отношении какой части тела физиогномия представляет больше всего данных? В отношении сердца или мозга?

Вопросы 23–24: Почему черепной шов больше заметен у человека, чем у животных. Почему несколько швов заметно на черепе мужчины или один на черепе женщины.

Вопросы 25–28: Почему высокий лоб обозначает медленного человека, склонного к тупости, а маленький [лоб] обозначает противоположное. Почему прямые брови – признак женственности и податливости, в то время как направленные к носу – признак дальновидности и интеллекта. Почему [брови] направленные к вискам означают слабость и плохой ум. Почему длинные распущенные волосы обозначают завистливость и капризность.

Вопросы 29–31: Имеют ли различную природу глаза разных цветов. Почему чёрный цвет в глазах у [разных] людей различается, но у животных нет, за исключением лошадей и – изредка – собак. Почему глаза имеют округлую форму.

Вопросы 32–33: Почему выпуклые глаза указывают на нарушенную способность видеть и почему впалые глаза указывают на острое зрение. Почему чрезмерно большая неподвижная диафрагма в глазу указывает на нескромность, а быстрое её движение указывает на непостоянство.

Вопросы 34–37: Почему уши могут быть расположены на различных частях головы, хотя глаза всегда расположены рядом друг с другом. Почему уши закручены с внутренней стороны. Почему у животных подвижные уши, а у человека неподвижные. Почему меланхоличные животные имеют длинные уши.

Вопрос 38: Является ли чихание добрым или дурным предзнаменованием.

Вопрос 39: Являются ли длинные и заметные линии на ладонях признаком долгой жизни, а короткие [и менее заметные] – признаком короткой жизни.

Вопрос 40: Схоже ли расположение частей плоти животных с расположением частей вселенной.

Вопросы 41–43: Является ли мозг по природе мокрым и холодным. Почему мозг разделён на лобовую и теменную части, а не на правую и левую. Почему у человека такой большой мозг пропорционально его телу.

Вопросы 44–47: Является ли сердце по форме пирамидальным. Почему вершина сердца не поднимается вверх у четвероногих, как это происходит у рыб. Почему сердце не расположено в середине человеческого тела. Почему оно получает очень слабое питание, хотя это лучший член.

Вопрос 48: Должны ли расположенные выше кишки быть тоньше и длиннее, чем нижние.

Вопрос 49: Почему человеческие лёгкие более твёрдые и не делятся на доли.

Вопрос 50–51: Почему почки, глаза и уши имеют пары. Почему правая почка выше левой.

Вопрос 52–53: Почему наружные члены разделены на пары, а внутренние нет. Почему глаза и уши разделены на пары, а язык нет, кроме змеиного.

Вопрос 54: Все ли члены животных восходят к одному члену.

Вопрос 55: Каков первый член, от которого происходят все остальные члены животных.

Книга вторая.

Вопрос 1: Являются ли различия или сходства представителей различных животных результатом различий их внутренних жидкостей или это следует отнести к вопросам их сознания.

Вопрос 2: Почему шея льва длинная, но не полая.

Вопрос 3: Подходит ли правая нога для движения больше, чем левая.

Вопрос 4: Почему грудь человека шире, измеряя относительно размера тела, по сравнению с другими животными.

Вопрос 5: Исходит ли движущая сила из передней или задней части мозга.

Вопрос 6: Естественен ли изгиб ног и рук человека.

Вопрос 7: Почему животным приходится ступать с правой лапы.

Вопрос 8: Почему человеческое тело менее покрыто волосиным покровом, чем тела животных.

Вопросы 9–12: Должно ли каждое животное быть рогатым. Почему у оленя есть твёрдые и полые рога? Почему олени могут сбрасывать рога и отращивать новые?

Вопросы 13–16: Должны ли женские груди располагаться в районе грудины. Почему у слонов и обезьян грудь расположена как у человека. Почему у некоторых животных больше сосков, чем у других. Почему грудь [как у женщин] встречается даже у некоторых мужчин, и также у некоторых зверей.

Вопросы 17–19: Необходим ли животным рост. В каком возрасте происходит большая часть процессов роста? Почему у взрослых людей верхние части тела меньше нижних.

Вопросы 20–26: О природе зубов.

Вопрос 27: Почему у человека отсутствует хвост и естественно ли это.

Вопрос 28: Почему птицы подражают человеку в звуках больше других зверей.

Вопрос 29: Является ли полёт птиц естественным.

Вопрос 30: Естественно ли животным иметь селезёнку, желчный пузырь, мочевой пузырь – естественные резервуары жидкостей?

Вопрос 31: Обязательно ли наличие у всех животных членов тела, предназначенных для размножения.

Книга 3.

Вопрос 1: Зачем нужны жилы в теле животных.

Вопрос 2: Существуют ли жилы у животных во всех частях тела.

Вопрос 3: Возникают ли вены из сердца или из печени.

Вопрос 4: Для чего нужны артерии животным.

Вопрос 5: Происходят ли артерии от сердца или из мозга.

Вопрос 6: Зачем нужны нервы.

Вопрос 7: Откуда происходят нервы: из мозга или из сердца?

Вопрос 8: Влияют ли нервы на меланхолическую или флегматическую комплекцию тела.

Вопрос 9: Нужны ли кости.

Вопрос 10: Могут ли кости чувствовать.

Вопрос 11: Зачем нужны хрящи.

Вопросы 12–16: О волосах.

Вопрос 17: Нужна ли кожа животным.

Вопрос 18: Необходима ли животным кровь.

Вопрос 19: Может ли кровь животным сохраняться или она разлагается со временем.

Вопрос 20: Является ли кровь более многочисленной в теле мужчины или женщины.

Вопрос 21: Больше ли кровь в плотных животных или худых?

Вопрос 22: Происходит ли кровь изначально от сердца или печени.

Вопросы 23–26: Почему в теле кровь жидкая, а за пределами тела в обычной среде сворачивается.

Вопрос 27: Зачем нужен костный мозг.

Книга 4.

Вопросы 1–2: Являются ли бескровные животные естественно хладнокровными? Можно ли есть живущих в воде хладнокровных?

Вопросы 3–4: Должно ли животное иметь оболочку? Естественно ли быть животному заключённым внутри оболочки. Различны ли животные, имеющие различные по форме раковины.

Вопрос 5: Обладают ли все звери всеми чувствами.

Вопрос 6: Есть ли у рыб слух.

Вопрос 7: Является ли голос по природе естественным или искусственным.

Вопрос 8: Почему голоса звучат по-разному.

Вопрос 9: Нужен ли сон животным.

Вопрос 10: Видят ли сны звери.

Вопрос 11: Является ли сон эффектом от сердца или головного мозга.

Вопрос 12: Имеет ли содержание снов смысл.

Дополнительные вопросы.

Вопрос 1: Почему соль, помещаемая в воду, растворяется, но не растворяется при помещении в мёд или масло.

Вопрос 2: Почему мускус, имеющий пряный аромат, помещённый в грязное место, сначала теряет аромат, а затем восстанавливает.

Вопрос 3: Почему уголь отражает солнечные лучи.

Вопрос 4: Почему снег сохраняется в ячменном мякише.

Вопрос 5: Почему груши созревают, помещённые в ячменный мякиш.

Вопрос 6: Почему у женщины грудь больше, чем у мужчины.

Вопрос 7: Почему у умирающих [людей и животных] члены тела остаются тёплыми, хотя должны стать холодными.

Вопрос 8: Почему морские рыбы очень мягкие, хотя они живут в солёной воде.

Вопрос 9: Почему после укуса безумной собаки следует бешенство.

Вопрос 10: Почему человек, проходящий рядом с трупом, испытывает мурашки по телу.

Вопрос 11: Почему у сумасшедших столько физической силы.

Вопрос 12: Почему кровь хлещет при убийстве.

Вопрос 13: Почему помещённый в вино кусочек хлеба делает его более пряным.

Вопрос 14: Почему мы видим зелёный цвет более остальных.

Вопрос 15: Почему жареное мясо насыщает больше, чем варёное.

Вопрос 16: Почему раненый в мышцу временно не может говорить.

Вопрос 17: Почему ослабленные голодом члены тела тут же восстанавливаются при первом приёме пищи, хотя еда ещё не достигла желудка.

Вопрос 18: Почему мёртвый человек всплывает в воде, а живой тонет.

Вопрос 19: Почему кто-то, бросивший своё занятие, теряет свои навыки в нём.

Вопрос 20: Почему страдающие лихорадкой теряют способность видеть.

Вопрос 21: Почему некоторые люди, которые едят больше, худые, а те, кто едят больше, – полные.

Вопрос 22: Почему у новорождённых закрыты глаза.

Вопрос 23: Почему некоторые, увидев врага, притворяются мёртвыми.

Вопрос 24: Почему следует, хотя это очевидно, не напиваться.